

Тёмные колоды

Агния Боженова

Агния Боженова

Тёмные колодцы

<https://litres.ru/74596727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то давно Северные Острова пережили темные времена. Весь люд поднялся против того, что страной управляют недостойные власти люди, наследующие ее по праву рождения. И всё изменилось. Теперь судьба каждого человека зависит от процедуры Проявления, которая раскрывает его главный Дар, то в чем он достигнет самых больших высот. В мире воцарился порядок и довольство, потому что каждый на своем месте. Так считала Мелисса Бейкер, словесница с десятым уровнем. Но однажды она получает письмо, которое вынуждает ее отправиться в путь, чтобы разгадать сложную загадку о людях без Дара... Мелисса увидит жизнь совсем под другим углом и это путешествие навсегда изменит ее. Приключения начинаются!

Содержание

Глава 1. Письмо	4
Глава 2. На площади	24
Глава 3. Мариус	49
Глава 4. В путь	67
Глава 5. Команда	90
Глава 6. Разговоры	110
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Агния Боженова

Тёмные колодцы

Глава 1. Письмо

Ну вот и настал первый день утра года, день которого все мои суровые и привыкшие к холодам земляки ждут больше, чем ребенок — дня рождения. Наверное, на далеком, самом южном острове нашей страны, с говорящим названием — Зелёный, уже распускаются первоцветы и птицы приветствуют новый день радостным щебетанием. Но у нас, на Кедровом острове, ветер по-прежнему пронизывающе холоден, бьет снежной крупой в лицо, щиплет за щеки и не спасают даже мягкие рукавицы, заботливо связанные мамой. А уж моя мастерица славится самыми тёплыми варежками в городе, это все знают. Холодный сезон у нас — не только ночь года, но и половина соседних: утра и вечера года, поэтому к приходу студеного времени готовятся основательно, и хорошие мастера пользуются огромным спросом. Только мамины рукавицы, шарфы, шапки и тёплые свитера кормили нас, пока я была маленькой и не могла помогать Анне.

И пусть сегодня выюжит, пусть окна покрыты замысловатым узором, а дым из труб пушистыми волнами ползет по

небу, но дата на календаре — это уже первый и неотвратимый шаг приходящего Утра, маленький повод для радости.

Меня зовут Мелисса, мне 21 год, и я уже полгода работаю словесницей, то есть я описываю всё, что происходит в нашем городке. История государства и мира — это уже не моя юрисдикция, этим занимаются словесники рангом повыше. Я же должна описывать каждый день в книге года так, чтобы тот, кто прочтет об этом дне, смог представить и воспринять всё, что ощущаем мы сегодня. И не только увидеть, но и почувствовать запах, услышать звук, почувствовать кожей то же, что чувствую я сейчас. Это был мой дар, судьба, выбранная для меня. Всю жизнь провести над листами бумаги и записывать чужие жизни, но так и не совершить ничего самой... Наверное, сама я так и не отважусь изменить что-то в своей жизни, каждый день в которой мало отличается от предыдущего, но я не перестаю мечтать. Перед сном, читая книги о приключениях, фантастических мирах, я представляю себя в других реальностях, кем бы я была, какой бы я была. И в своих мечтах я смелая, уверенная в себе, не сомневаясь, спешу спасти мир, покоряю мужские сердца, путешествую верхом на драконе. Ни в одной из них я не просиживаю день за днем в маленьком кабинете над листами бумаги, которые, возможно, никто и никогда не прочтет.

Когда я смотрю на свое отражение в зеркале, то вижу там далеко не ту девушку-воительницу, роковую красавицу из своей мечты. В реальности я состою из сплошных «не»:

не высокая, не красивая, не примечательная абсолютно ничем... У меня русые волосы средней длины, веснушки на носу, серые глаза за огромными круглыми очками. Мама говорит, что у меня красивый вздернутый носик, видимо, только им я и могу гордиться. А ещё говорит, что мне надо почаще улыбаться, что я пугаю людей своим серьёзным видом, но уж такая есть. Я не люблю одеваться ярко и привлекать к себе внимание, но чаще всего ношу то, что связано мамиными руками. Она же, к сожалению, больше всего не любит скучные вещи, поэтому сегодня на мне белая водолазка, кардиган в жёлто-зелёную полоску, оранжевая длинная юбка, где переливающиеся огненные оттенки следуют друг за другом. Поверх этого разноцветного великолепия старенькое коричневое пальто, которое уже почти не согревает, но хотя бы спасает от ветра, и комплект из шапки, шарфа и перчаток бордового цвета, с белой каймой. Для нас мама обычно использует те нитки, что остаются от заказов клиентов, именно поэтому моя одежда обычно пестрит сочетаниями самых разных цветов. Но шапочку, шарфик и перчатки мама мне подарила в честь первого рабочего дня, пряжу для них она купила специально и вязала по ночам, чтобы сделать мне сюрприз. Поэтому этот комплект особенно дорог мне.

Я шла на работу и как бы мне ни хотелось скорее добежать до своего тёплого кабинета, чтобы согреться горячим кофе, я осаживала себя и старалась идти медленнее, чтобы запомнить всё, что вижу на своем пути. И хотя наш горо-

док небольшой, в основном состоит из коттеджей или старых двухэтажных многоквартирных домов, но внимательный глаз всегда заметит малейшие изменения. Возможно, они не важны для истории, а возможно, нашим последователям интересно будет почитать, что сегодня на доске объявлений кто-то повесил рисунок, сделанный детской рукой. На рисунке немного кривоватое сердце, окруженное снежинками, и надпись, сделанная юной нетвердой рукой: «Скоро утро года согреет наши сердца». «Как же это верно», — подумала я. Мы, люди Северных Островов, привычны к холодам, но и мы в конце ночи года измучены ветрами, метелями и морозами. Они делают нас раздражительными и хмурыми. Наши сердца как будто впадают в спячку до весны. Не зря же кто-то мудрый придумал именно такие названия сезонов. Всё в мире идет по этому кругу, время суток, времена года и даже наша жизнь. Мы приходим из небытия, из ночи, утро жизни — это наше детство и юность, день жизни — зрелые годы, вечер — старость, а потом мы вновь уходим в небытие, ночь, и круг повторяется.

Погрузившись в свои мысли, я дошла до работы, продолжая отмечать всё, что вижу: новую остановку для автобусов, сделанную из дерева и выкрашенную красивым травяным зелёным цветом, новое меню в кофейне, написанное белым мелом на коричневой доске, кучу каких-то листовок, которые ветер разносил по центральной площади. В последнее время на них уже никто не обращает внимание, хотя

несколько месяцев назад даже держать в руках их было опасно. Но сейчас полиция просто махнула на них рукой, потому что, казалось, что в нашем городе Сопротивление зря тратит свои силы, деньги и время. Я привыкла, что на Кедровом острове все жители довольно консервативны и желают лишь одного — чтобы никто не лез в их дела и их жизнь.

Поднимаясь на крыльцо старого двухэтажного особняка, в котором находятся музей, библиотека, издательство газеты «Утренний Лабруан» и мой небольшой кабинет, я замечаю, что на верхней ступени, поверх снежной пороши, лежит несколько писем. Видимо, я сегодня первая, и почту ещё не разбирали. Страхивая снежок, я беру письма, открываю старую деревянную дверь, много раз перекрашенную белой краской, и вхожу внутрь под какофонию скрипов старого дома. Меня окутывает привычный запах пыли, уютный сладковато-древесный аромат книг, запах краски и клея, тяжелый и терпкий аромат духов с ванилью нашего библиотекаря — Флоры. Собираюсь бросить письмо на тумбочку у входа, но с удивлением замечаю, что верхнее письмо в стопке адресовано словеснику города Лабруана, значит мне. Я смотрю на письмо как на величайшее сокровище, потому что до сих пор я никогда не получала писем. Раздевшись и оставив остальную почту на тумбочке у входа, я поднимаюсь на второй этаж по винтовой деревянной лестнице, такой же старой и скрипучей, как всё в этом доме.

В своем небольшом и не очень уютном кабинете, вдоль

стен которого теснятся стеллажи с книгами года, а в середине стоит большой массивный письменный стол, я, наконец, могу рассмотреть свое письмо. На нем стоит печать Центрального Управления и обратный адрес подтверждает, что письмо отправлено из Синтоми, столицы Северных островов. Очень хочется распечатать его поскорее, но привычка делать всё по законам словесника берет верх. Сначала я хочу изучить его без примеси эмоций, которые наложит содержание письма. Я внимательно осматриваю конверт: бежево-коричневая бумага, с мелкими вкраплениями черных точек, чернила черно-красные, похоже, сделаны с использованием дубовых орешков. Почерк отправителя отрывистый, буквы почти печатные, с фигурными немного вытянутыми хвостиками, по первому впечатлению написано рукой мужчины. На обратной стороне печать изумрудного цвета с гербом нашей страны: олень в круге из кедровой ветви с орехами. Потом закрываю глаза и ощупываю бумагу, она шершавая и мягкая. В некоторых местах ощущаю складки и заломы, кажется, что отправитель письма обращался с ним не очень аккуратно, так как обычно письма у нас доставляются в практически идеальном состоянии. И это странно, если учитывать, кто отправитель письма. И напоследок я улавливаю в запахе бумаги и краски едва заметную, но очень знакомую и необычную нотку. Почтовая корреспонденция обычно так не пахнет... Что же напоминает мне этот аромат? Что-то до боли знакомое, но настолько неуместное здесь, чуждое самой бумаге,

что я никак не могу ухватить ускользающую разгадку.

От размышлений меня отрывает грохот закрывающейся двери и крики у порога. «Заносите, осторожно, осторожно! Ну не дрова же тащите, ну это же искусство все-таки, заносите вот сюда, в музей. Эй-эй, ну что же вы в самом деле, прошу же аккуратнее! Ну вот что-то треснуло, кажется вы повредили один из багетов», — надывается Софи, наша заведующая музеем. И я вспоминаю, что сегодня должны были привезти около десятка картин современных художников из столицы. Такое бывало редко, наш городок совсем небольшой и что-то из столицы нам перепадает нечасто, поэтому Софи так волнуется и суетится. Значит, и мне сегодня придется немало поработать. Картины, скорее всего, придут с описанием словесника, который описывал их на месте первой выставки. Но мне нужно будет составить тексты для доски объявлений музея, рекламы и написать целую статью для местной газеты.

Вздыхнув, я положила письмо в сумочку, и решила, что открою, когда смогу себя посвятить ему полностью, не отвлекаясь. Я предчувствовала, что это что-то важное, сердце мое трепетало, поэтому я хотела открыть его одна, в спокойной обстановке. И только я его убрала в сумочку, как дверь с грохотом открылась и в комнату влетели два стихийных бедствия: Флора и Софи.

Флора — наша заведующая библиотекой, женщина средних лет, очень энергичная, деятельная, любит посплетничать

и всегда в курсе всего, что происходит в нашем городке. Для меня она просто кладезь информации, благодаря ей, я всегда успеваю быть в нужное время в нужном месте. Она не высокая, пухленькая женщина с широкой улыбкой, громким смехом и очень музыкальным голосом. Я как-то пыталась описать ее голос, и это оказалось довольно тяжело: у нее грудной голос, с какими-то детскими интонациями, слова, произнесенные ею, казались округлыми и мягкими, но при этом звонкими, она слегка картавила. Из нас троих она больше всех следила за собой: короткие темные волосы с проседью по новой моде уложены волнами, брючный костюм аккуратно выглажен. В наш город она переехала лет десять назад, говорят, за её плечами какая-то печальная тайна, что она бежала от чего-то или кого-то, но я никогда не спрашивала ее ни о чем. Что бы там ни было, я очень рада, что она моя коллега и старшая подруга. Порой с ней мне говорить легче, чем с мамой.

Софи выглядит словно фея из сказки: тонкая, стройная, с нежной кожей, огромными голубыми глазами, полными губами, с длинными светло-русыми волосами. Но, кажется, она не представляет, насколько она красива. Она на пару лет старше меня, но выглядит на восемнадцать. Софи одевается всегда просто: чаще это брюки и бесформенные кофты, волосы небрежно собраны в хвост. Характер у нее веселый, шумный, она любит пошутить и посмеяться, но никогда не высмеивает, не обижает. Голос у нее громкий и четкий. Ее

экскурсии по музею приятно слушать, она отлично знает все экспонаты и может рассказать историю нашего города от его основания, а основан он, ни много ни мало, примерно тогда же, когда и наша столица. Тогда, когда наше государство только набирало силы, Лабруан даже соперничал с Синтоми за статус столицы, но, как видите, проиграл в этой битве и теперь уже ничто не говорит о былом его величии, кроме экспонатов музея и многочисленных записей в старинных книгах года.

Первые месяцы меня пугала энергия, вездесущность и постоянная болтовня моих коллег, но постепенно мы сдружились и на работу я теперь всегда шла с удовольствием, предвкушая веселый и интересный день. Вот и сейчас они принесли в мою маленькую каморку шум, хохот и такой знакомый аромат ванили.

- Здравствуй, дорогая! Ты сегодня отлично выглядишь, утренний морозец подрумянил твои щеки. Утром года мы все чувствуем молодую энергию внутри. И это прекрасно, чувствую себя юной и красивой, — сказала Флора.

- Доброе утро, Мела, — поздоровалась Софи. Так меня звали многие в городе, имя Мелисса использовали только в официальных бумагах — у нас с тобой сегодня очень много работы. Ты представляешь, они потеряли описания картин от словесников галереи современного искусства Синтоми. Тебе придется написать свои. Но сначала... Тут повисла трехсекундная пауза, потом наше здание потряс громкий

дружный вскрик: «КОФЕ»!

Мы были фанатами этого бодрящего напитка, без него не начиналось наше утро. Чаще всего никто не приходил в музей и библиотеку раньше десяти, а я так и вообще выстраивала свой график так, как мне было удобно, за исключением каких-то происшествий и событий. Поэтому каждое утро мы выделяли полчаса, чтобы вместе выпить чашечку кофе, поделиться новостями и настроиться на хороший день. Ну и какой кофе без вкусоностей, сегодня Флора принесла булочки с маком, которые сама испекла накануне. Запах кофе и булочек сделал это утро уютным и добрым, а может, это было ощущение дружеского плеча рядом, счастья быть сейчас и здесь.

- Что нового в нашем любимом городке, что-то требует срочного моего присутствия? — спросила я у Флоры.

- Сегодня нет, но скоро жизнь будет бить ключом. На следующей неделе к нам приезжает цирк с соседнего острова, намечается выступление лектора по теории происхождения Дара. Моя подруга рассказывала, что в городе скоро откроются новая кофейня и цветочный магазин. Выступления на площади против нового закона о том, что обладателям девятого и десятого уровня дара предоставляется целый ряд льгот, могут начаться в любой момент. Понятно же, на кого эти льготы рассчитаны, все знают, что в управлении чиновники имеют как раз девятый и десятый уровни. Но тебе там появляться не стоит. Весь город знает, что ты одна из

немногих в Лабруане, у кого высший десятый уровень, и боюсь тебе там не будут рады. Возможно, это даже опасно, в последнее время много недовольных политикой Центрального Управления Северных Островов.

- Но это моя работа. Я не могу пропустить такое событие. Я обязательно должна описать это. Возможно, это те самые исторически важные события, которые я всегда ждала — воскликнула я, решив про себя, что это мой шанс сделать что-то важное, а не просто описывать узоры на окнах. Я не считаю свою работу не важной, отнюдь нет. Но как же хочется, чтобы жизнь в этом тихом городке была хоть немного интереснее и динамичнее. Но за всё время работы, ни один человек даже не поинтересовался, что и как я пишу, кроме крошечного круга близких мне людей.

- Этого я и боялась, — сказала Софи. — Очень прошу, давай договоримся, что ты будешь наблюдать издалека. Рядом с центральной площадью есть сквер с небольшой кофейней «Кедровый кофе». Обещай, что будешь наблюдать оттуда. Только не ходи в толпу. Я слышала от двоюродной сестры с Крайнего острова, что у них волнения по всему городу, недовольные разбрасывают листовки, бьют окна здания Собрания Избранных, а главное бойкотируют людей с девятым и десятим уровнем Дара, как будто в этом есть их вина. Мне со своей семеркой можно не переживать.

- А у меня так и вообще шесть, — вздохнула Флора. — Ярость ослепляет людей. В их поступках бессмысленно ис-

кать какую-то логику.

Мне стало очень неловко. Я всегда переживала из-за своей десятки. Я бы с большим удовольствием имела средний показатель, чтобы на меня не показывали пальцем, не ждали от меня чего-то неординарного. Я не чувствовала в себе сил и способностей дать миру больше, чем обычный человек. Наоборот, большую часть жизни я стараюсь угнаться за остальными, быть как все, успевать за бешеным потоком, несущим меня против моей воли куда-то вперед. Но теперь про мой уровень опять вспомнят, но теперь не из-за высоких ожиданий, а из-за того, что я оказалась в привилегированном положении и пальцем не пошевелив для этого. Ведь у нас есть очень много замечательных людей, с меньшим уровнем, которые делают более важную работу, например, доктор, учителя, наставники или спасатели.

- Для меня вы всё равно самые лучшие, — покраснев, прошептала я, смутившись.

Не первый раз замечаю, что порой делать комплименты тяжелее, чем высказывать критику. Она-то с наших уст соскакивает легко и быстро, а когда замечаешь, что кто-то сегодня нарядно выглядит или ему очень к лицу новая прическа, то сказать об этом очень тяжело.

Остаток трапезы мы посвятили более приятной теме: мы строили догадки, что же за картины нам прислали из столицы, где лучше разместить экспозицию, стоит ли устроить торжественное открытие выставки и пригласить на нее чле-

нов Собрания Избранных.

Потом мы все вместе спустились вниз, чтобы разобрать коробки, рассмотреть полотна и уже тогда решить, где они будут смотреться органично. Когда мы вытащили несколько картин и освободили их от нескольких слоев бумаги и ткани, защищающих полотна от повреждений, то первая моя мысль была о том, что они нигде органично смотреться не будут, вторая о том, как же я буду описывать эти творения. Они были слишком авангардными для меня: яркие мазки краски, ультраяркие цвета, геометрические фигуры, даже смутные образы не проглядывали сквозь какофонию кричащих на разные голоса красок. В немом изумлении мы переглядывались с Софи и Флорой.

- Понятно. Они просто избавились от хлама, — с отчаянием произнесла Софи. — А у нас в газете уже вышла заметка о выставке из столицы и на нее собирается полгорода. Что же делать?

- Всё, что сможем, — предложила я. — Ты выделишь им какую-нибудь светлую галерею, я напишу и напечатаю самые впечатляющие сочинения, какие смогу придумать, не пускаясь в откровенное вранье. Украсим зал, найдем информацию о художнике и сделаем стенд с информацией о нем, угостим гостей кофе и печеньем. Но вот большую рекламную кампанию запускать, думаю, не стоит.

- Ограничимся статьей в газете, которая уже вышла, и вывеской на стенде перед музеем. Я нарисую плакат, как толь-

ко Мела даст мне тексты, — решительно сказала Флора.

- Решено, так и поступим. Спасибо, мои боевые подружки, что бы я без вас делала! — с благодарностью воскликнула Софи. — У меня есть одна совсем пустая галерея, наведу порядок, задрапирую стены яркими тканями. На складе был голубой, малиновый и фиолетовый атлас. За работу девочки!

Так и прошел мой день, до вечера я по одной забирала картины к себе и придумывала самое фантастическое описание, какое только могла. Слава богам, у картин имелась определенная тематика, и она называлась «Брызги Дара», поэтому я искала вдохновения в цветах, формах, которые избрал художник, для того, чтобы выразить словами мысли автора о даре. Я очень сомневаюсь, что мы думали об одном и том же, но я очень хотела помочь Софи и вложила все свои силы и способности, чтобы выставка не провалилась. Сомневаюсь, что про эту коллекцию вспомнят в столице и узнают о нашей небольшой афере, которая только пойдет на пользу выставке.

Домой я пошла крайне усталая, но тем не менее, решила зайти в нашу с мамой любимую пекарню добродушной и улыбчивой миссис Аплби.

Сегодня за прилавком стояла ее дочь, девушка того же года выпуска, что и я. Она смерила меня недовольным взглядом, под которым я невольно съежилась. Не все знают о моем десятом уровне, но некоторые, те, кто присутствовали на моем Проявлении, или осведомлены о нем, умудряются сделать

из этого что-то такое, чего надо стыдиться. Порой я ощущаю себя выскочкой. Я словно всеми нелюбимый потомок царского рода, который и на престол-то не претендовал никогда. Я быстро перевожу взгляд на витрины, краем глаза замечая, как она прячет какие-то яркие листовки под стопку газет.

Сегодня я выбрала для нас красивый сладкий пирог с ягодами, аппетитно-глянцевыми под яркой лампой на витрине, и печенье с кедровыми орешками. Наш остров называется Кедровым, так как хвойными лесами занята половина острова, и орешками мы снабжаем всю страну. И, кстати, на самом деле кедровые орехи – это совсем не орехи, строго говоря, это семена сибирской кедровой сосны. Также наш остров богат грибами и ягодами, поэтому львиная доля блюд на столе включает эти ингредиенты, а ещё дичь и рыбу, которых в наших лесах и реках предостаточно.

Расплатившись, я поспешила поскорее покинуть это место, которое дышало враждебностью ко мне. Ещё несколько минут я чувствовала необъяснимую горечь и обиду на эту девушку, которая совсем не знала меня, но позволяла себе судить меня.

Домик у нас стоит почти на самой окраине города, это небольшой коттедж, который остался нам от бабушки с дедушкой. У дедушки был дар каменщика девятой степени, поэтому домик был очень ладным и уютным, из песчаника приятного светло-коричневого оттенка, с высокой, крытой красной черепицей крышей. Под ее сводами был простор-

ный чердак со всяким старьем, которое я так любила перебирать в детстве. Когда я заканчивала свое обучение, то писала работу под названием «Сокровища дедушкиного чердака», в которой описывала разные старинные вещи, в избытке населяющие многочисленные сундуки, спрятанные в пыльном царстве под крышей. Среди них были шахматы, вырезанные им из камня, старинные книги с пожелтевшими листами, вечный календарь с дарственной надписью от главы Центрального Управления столетней давности, который сохранился от пра-пра-деда, кулон из игральной карты короля червей, вырезанной сердечком в вязаном чехольчике на шнурке, слепок детской ладошки со смазанными инициалами, дневники моих предков — это был музей нашей семьи. Порой выдавалось свободное время, и я старалась восстановить историю вещей, но, к сожалению, мама помочь могла далеко не всегда, часть наследия была утеряна навсегда. Когда я думаю об этом, то очень тоскую о своих бабушке и дедушке, их тёплые объятия и мудрые советы навсегда останутся со мной, но, когда они ушли в ночь жизни, я была совсем юна и не спросила у них так многого. Я эгоистично думала о своих проблемах, а их интересные жизни, добрые истории, так и останутся не записанными.

Я смахнула слезинку, как всегда, когда думала о них, и зашагала быстрее к белой невысокой изгороди, которая сейчас едва виднеется из-под снега. В разгар сезона Дня различить можно было только калитку, всё остальное утопало

в зелени самых разных садовых культур, которыми занималась бабушка. Тут были кустистые вишни и яблони, цепкий крыжовник, ароматные кусты смородины и душистая черемуха. У дальнего края ограды, за домом, росли раскидистые ивы и несколько елей. Особенно великолепно наш сад смотрелся во время цветения, а аромат стоял просто божественный... После смерти бабушки, всё это росло неконтролируемо, превращаясь в непроходимые дебри. Особенно жаль было цветы, которые раньше росли по четкому плану, вовремя сменяя друг друга, отчего клумбы всегда стояли в пестрых нарядах. Я всегда хотела посмотреть на это великолепие с высоты птичьего полета: разноцветный прямоугольник, расчерченный дорожками из гальки, песка или коры хвойных деревьев, по плану, который ведом был только бабушке и раз в несколько лет менялся.

Дома уже уютно потрескивал огонь в камине, сложенном из крупного неотшлифованного камня. Мама, как всегда, расположилась возле огня, со спицами в руках. После окончания рабочего дня она начинает вязать для себя и меня. Я каждый день журю ее за то, что она совсем не заботится о собственном здоровье. В ответ обычно слышу, что для нее нет ничего приятнее, чем делать что-то для меня, а то, что приносит удовольствие, только благотворно влияет на самочувствие. И как вот разговаривать с таким человеком! Я заметила, как сегодня она вяжет из бежевой пряжи, и это меня очень порадовало: в последнее время как раз пришла мода

на натуральные оттенки, полностью отвечающие моим вкусам.

Анна — моя мама, очень красивая женщина. Она, как и я, невысокая, худенькая, с длинными светлыми волосами с проседью, собранными в косу, закрученную вокруг головы. Вокруг грустных глаз лучиками разбегаются такие родные морщинки, маленькие овалы очков без оправы. Анна улыбается, хотя вид у нее усталый. Не помню, когда моя пчелка брала отпуск в последний раз. Мама в ярко-малиновом свитере и синей домашней юбке. Несмотря на то, что дома, кажется, тепло, она как всегда мерзнет и садится поближе к огню. Сердце сжимает от нежности к той, что одна воспитывала меня после смерти бабушки и дедушки, сама зарабатывала, чтобы содержать этот большой для нас двоих дом и прокормить меня и себя. Про своего отца я ничего не знаю. Я спрашивала однажды, очень давно, но мама попросила больше не говорить о нем, сказала, что как только вспоминает этого человека, ее сердце начинает болеть. «Разве нам плохо вдвоем?» - спросила мама, и я, конечно, сказала, что хорошо, но в тайне представляла какой он, находила оправдания тому, что он не с нами, и ждала, когда он, наконец, появится. С каждым годом надежды мои таяли, потом я запретила себе думать о нем.

Я поставила чайник, и мы с мамой пили травяной чай с душицей и зверобоем, ели ягодный пирог, я рассказывала про события дня, описывала необычные картины и ужас Со-

фи, все наши ухищрения по превращению выставки в что-то волшебное и необычное, чудесное объявление Флоры, которое настраивает посетителей, что им потребуется всё их воображение и фантазия для понимания новых веяний в искусстве.

Письмо, что лежало в сумочке, дразнило и не давало покоя. Но я знала, что мама почти не выходит из дома и весь день проводит в одиночестве. Только иногда к ней заходят клиенты, чтобы снять мерки или забрать заказ, но с чужими людьми она не слишком разговорчива. Поэтому каждый вечер, как бы я ни устала, мы пьем чай и болтаем о ерунде, а потом вместе моем посуду и делимся планами на следующий день или поем. Обе мы поем не очень хорошо, но нам всё равно это нравится. Эта традиция досталась нам от бабушки, у которой, в отличие от нас, был сильный красивый голос.

И вот, наконец-то, я в своей спальне, держу письмо, руки дрожат от предвкушения. Меня сковало странное волнение, я присела на кровать, положила его рядом, пытаюсь понять, откуда взялся иррациональный страх, что письмо всё изменит для меня... «Ну что за трусиха, может это что-то скучное, например, требование прислать какой-нибудь отчет или ещё что-то в этом роде...» До меня на этой должности почти год никто не работал, поэтому некому было вводить меня в курс дела, я просто делала те обязанности, о которых рассказывали преподаватели, продолжала вести бумаги, которые нашла в кабинете. Возможно, это письмо извещает ме-

ня о приезде наставника, или просто содержит какие-то инструкции. Возможно, оно оповещает о том, что на меня поступили какие-то жалобы, я даже удивлена, что их до сих пор не было, учитывая «любовь» некоторых горожан ко мне...

Отложив его на кровать, я резко встала и сделала несколько кругов по комнате, потом быстро и решительно села. Взяла письмо. Открыла его, потянув за уголок, быстро, не дыша. Прочитала короткое послание. Потом прочла ещё раз, уже медленно, по-прежнему не веря в написанное: «Здравствуйте, уважаемая словесница Мелисса Бейкер. Центральное Управление и все Северные Острова нуждаются в вашей помощи. С Зеленого острова поступили сведения о регистрации детей без дара. Туда будет отправлена небольшая экспедиция для выяснения всех обстоятельств. Отплытие корабля в первую среду Утра года, в шесть часов до полудня. Содержание этого письма и ваше участие в экспедиции совершенно секретно, об этом не должен знать НИКТО. Легенда: вы едете в Синтоми на повышение квалификации. Ваше участие в экспедиции обязательно. Номер каюты — 6.» Из конверта на мои колени упал маленький прямоугольник билета в другую жизнь.

Глава 2. На площади

Мысли в моей голове проносились с ураганной скоростью, хаотично сталкивались друг с другом, испуганно прятались по углам, вопили истошными голосами, а потом вдруг замолкали все разом, захлестывали меня волнами, не давали ни вдохнуть, ни выдохнуть, не позволяя сосредоточиться на какой-то одной мысли. Ты вроде здесь и не здесь и времени как будто не существует. Не знаю, сколько минут я провела в этом смятении чувств, потом стала приходить в себя, глубоко вдохнула и медленно выдохнула несколько раз, чтобы привести мысли, а в первую очередь свое сердце, которое, казалось, выскочит из груди, в порядок. Весь хаос, что царил в голове, надо было как-то упорядочить. Я ещё раз прочитала письмо, которое всё так же крепко сжимала в руках, и поняла две самые важные вещи.

Во-первых, я отправляюсь в экспедицию. В письме прямо написано, что это мой долг, и нет возможности это изменить, поэтому нет смысла терзать себя страхами и сомнениями, на эти липкие чувства времени совсем нет. Мне нужно как можно скорее собраться в путь. Сегодня понедельник, значит у меня всего один день на подготовку. Может быть и хорошо, что письмо задержалось, думаю, его отправляли заранее, но почта у нас слишком зависима от погодных усло-

вий, а в последние пару недель бушевали шторма, которые прекратили всякое сообщение между островами. Если бы я продлила сборы на несколько дней, то лишь измучила бы себя мыслями. Сейчас же я просто не могу позволить себе сомневаться, слишком ограничен срок на подготовку к моему первому в жизни путешествию.

Во-вторых, и это главное, с нашим миром что-то происходит, дети, не получившие дара, — это же просто катастрофа! В каком отчаянии они, наверное, пребывают. Сердце сжалось от сострадания и принятия чужой боли. Что мы без нашего дара? Как построить свою жизнь, где будущее зависит всецело от твоего уровня способностей? С детства мы ждем того дня, когда нам откроется наш дар. Конечно, многие догадываются о нем и до процедуры Проявления, но далеко не все. Этот день праздничный для всех, день, когда мы вступаем в юность и начинаем обучение по особой программе, которая соответствует нашим способностям. Этот день — наш главный шаг ко вступлению во взрослую жизнь.

Утром, в первый день Вечера года, празднично одетые, мы стягиваемся к зданию Собрании Избранных. Как сейчас вижу себя в красной юбке чуть ниже колена, белой блузке, в туфельках на каблучке и в красной же безрукавке, преисполненную надежд, страхов, в приятном волнении. Мероприятие проходит в торжественной зале, украшенной цветами, флагами острова и государства. На сцене стоит несколько массивных кресел, обитых красным бархатом, в них с удоб-

ством расположились представители собрания. Сбоку столик для писца, за которым сидит юная девушка с сердитым или просто очень серьёзным видом, она регистрирует за каждым из нас его талант и уровень. По центру зала стоит простой стул на очень высоких ножках, на котором сидит Магистр Дара. Так называют человека, дар которого заключается в том, что он чувствует склонности других людей и может определить их уровень. Таких специалистов очень мало, поэтому процедура Проявления в школах страны проходит в разное время. Магистры живут в Синтоми и приезжают в город лишь на несколько дней. Я помню, что в тот год это был мужчина средних лет, одетый, как будто не для торжественного случая, в болотно-зелёную летнюю рубашку на выпуск и такие же брюки.

У него была очень добрая улыбка и лучистые глаза, тёмные волосы непослушно торчали в разные стороны. Он так запомнился мне, потому что контраст между ним и скучающими людьми на креслах позади него был разителен. Они мучились от жары и скуки, откровенно изнывая и желая покончить со всем этим, в то время как магистр дара бережно брал наши руки, долго и внимательно глядел в наши перепуганные глаза, потом закрывал свои и его дальнейшие слова определяли всю нашу последующую жизнь. Этого дня ждали и боялись все мы, родители дома также не находили себе места, готовили праздничный обед и потом собирались у стен собрания, чтобы поскорее узнать о судьбе своих сыно-

вей и дочерей.

Помню, когда я вышла на сцену и Магистр взял меня за руки, мне показалось, что он видит меня насквозь. Он так долго и внимательно смотрел на меня, взгляд его словно прожектор в темноте, выискивал все, чем я гордилась и чего стыдилась, я была словно воин, вдруг оказавшийся без доспехов и оружия, один на один со своей судьбой. Помню, что изо всех сил старалась не моргать. Казалось, что вдруг, если закрою глаза хоть на секунду, он не сможет разглядеть в них мой главный в жизни талант. Из моих глаз от напряжения потекли слезы, когда он сказал, что мой дар - находить слова, десятый уровень. В зале была сначала полная тишина, а потом он взорвался аплодисментами. Я была готова провалиться сквозь землю, хотелось бежать оттуда и спрятаться. Я всегда хорошо писала письменные работы, в которых надо описать что-либо, но как раз, когда нужно было описать личное отношение, слов я не могла подобрать. Мне было страшно, что если я напишу то, что думаю и чувствую, вылью свою душу на тетрадный лист, то другой увидит лишь некрасивую кляксу, скомкает этот лист и выбросит. Поэтому, когда я выбирала профессию, среди подходящих моему дару, я решила стать словесницей, безопасный путь, не требующий делиться своими сокровенными мыслями, но дающий возможность выразить свое отношение к этому миру через описание повседневных вещей.

Со сцены я спустилась почти бегом, и села рядом с удив-

ленными одноклассниками. Хотелось скорее оказаться дома вдвоем с мамой. Конечно, в глубине души я гордилась и радовалась своему уровню, но я никогда не любила назойливое внимание чужих людей, под их взглядами я терялась и молчала, боясь сморозить глупость. Были и те, кто уходил со сцены в слезах, получив четвертый или пятый уровень, ниже практически никогда и ни у кого не было. Хотя в школе ходили страшные рассказы, про детей, которым выпадал первый уровень, и они всю жизнь горевали, становились сумасшедшими, мстили всем вокруг, сводили счёты с жизнью (вариаций было множество, иногда встречались и комбинации из этих вариантов).

А сейчас первая часть этих баек сбывалась. Как же тяжело, наверное, этим детям. Они пришли на Проявление Дара полные надежд, но им при всех одноклассниках сообщают, что у них нет дара. Какую растерянность, стыд и опустошенность они могли чувствовать в этот момент? Что почувствовали их родители? Считается, что после проявления дара мы вступаем в юность, начинаем новый этап в жизни... А что с этими детьми? Всё наше общество построено вокруг наших способностей. В зависимости от них строится наше обучение, выбирается работа. Сейчас браки по уровню уже редкость, но раньше родители пытались подыскать своему чаду пару с высоким уровнем. Так или иначе, но и на отношение с окружающими тоже оказывало влияние это число, которое на всю жизнь оставалось с нами.

От таких вестей на сердце было тяжело, я не могла усидеть на месте, вскочив с кровати. Я как тигр в клетке, начала мерить шагами комнату, постоянно на что-то натываясь. Видимо, я вела себя довольно шумно, раз ко мне заглянула мама, уже переодетая для сна, похоже, я подняла ее с кровати.

- Мела, что-то случилось? — с тревогой спросила она.

- Нет, мамочка, всё в порядке, просто не спится — попыталась ее успокоить я, стараясь изобразить спокойствие на лице. Пока я не была готова сказать о письме — думаю про выставку, что ещё я могу сделать.

- Отдохни получше, чтобы завтра голова была ясной — явно успокоилась мама.

- Спасибо, ты у меня самая мудрая. Я люблю тебя!

- И я тебя люблю! — сказала мама, опять взволнованно. В нашей семье не принято было говорить о чувствах, их мы показывали заботой, поэтому мои слова и насторожили ее, — ложись спать, не думай ни о чем!

И она тихонько затворила дверь. «Не думай ни о чем!» - легко сказать, я же теперь не могла думать ни о чем, кроме как о том, как моя мама будет без меня.

Последнее время, а может и всегда, мне казалось, что в нашей семье главная я. Нет, мама, конечно, заботилась обо мне, старалась заработать, чтобы мне всего хватало. Но порой казалось, что она живет в своем мире, витает в облаках. Она забывала есть вовремя, порой застывала надолго у окна. Я думала, может она наблюдает за кем-то, но дорога перед

домом была пуста. Порой мне думалось, что она ждет папу, но я спросила об этом всего один раз, мне даже слово «папа» тяжело произносить вслух, кажется, что одним этим словом я раню маму сильнее, чем ножом. В последнее время я стала сама вести счета, так как несколько раз мы оставались без электричества, потому что мама просто забывала заплатить.

А теперь я должна уехать и оставить ее совсем одну, и я даже не представляю, сколько времени это займет. А ещё завтра мне придется ей врать, потому что о цели путешествия я сказать не могла. И не только из-за требования в письме, просто маме так будет спокойнее, зная, что я уехала учиться. Ненавижу врать. Ни то чтобы я совсем этого не делала, я тоже была ребенком, я бы даже сказала, что делала это весьма убедительно, потому что, в силу своей наблюдательности и хорошо поставленной речи, врал я красиво и изобретательно, поэтому ни разу не была поймана. Возможно, именно поэтому я старалась не врать, это как играть с одними козырями - неинтересно.

Но вот спать действительно пора, завтра рано вставать, нужно сообщить об отъезде маме, девочкам на работе, собрать вещи. Когда я легла, сон никак не приходил. Я ворочалась, мысли опять все сразу полезли в мою голову, назойливые, как комариный звон в начале сезона Дня, они не давали уснуть. Только мои глаза сонно закрывались, как с тоненьким писком влетала новая мысль. От каких-то я отмахивалась, о некоторых надо было не забыть подумать завтра.

Заснула я далеко за полночь, но утром проснулась, на удивление, выспавшейся и спокойной.

Луч солнца проникал в комнату сквозь занавеску. В нем, словно снежинки в свете фонаря, летели пылинки, золотые, воздушные, как волшебная пыльца из сказок про фей. Как же все дети любят сказки о них! Самая любимая, конечно, про маленькую фею, которая мечтала обладать каким-нибудь могучим даром, но у нее был талант мастерицы, который казался ей незначительным и скучным. Она пробовала себя в разных профессиях, но у нее всё валилось из рук, когда она занималась чужими делами. Ей было тяжело смириться с судьбой, но когда она начала ценить свой дар, то достигла в нем небывалых высот. Эту сказку всем нам читали, чтобы мы понимали, что незначительных даров не бывает, как и незначительных судеб. Идти против своих наклонностей бессмысленно и глупо.

Я никогда не уезжала из дома, и мой мир, из которого я так хотела выбраться, вдруг показался таким родным и прекрасным. Я увидела мою комнатку словно в первый раз: небольшая, уютная, беленые стены и потолок, мебель из сосны была массивная и старая, желтый абажур с кисточками и такие же шторы делали комнату светлой и солнечной. Над моим рабочим столом висят десятки разноцветных листочков с моими заметками, зарисовки разных предметов. На столе беспорядок, я предпочитаю думать, что это свойственно всем творческим людям. Это приятнее, чем считать себя неряхой.

Шкаф у стола ломится от книг и моих блокнотов с записями. Книги в основном старые, собранные ещё бабушкой, перчитанные много раз, больше всего приключений, детективов и фантастики. У противоположной стены шкаф с одеждой, в основном, конечно вязаной: зимняя спицами, летняя крючком. Сердце наполнилось любовью и тоской. «Стоп, не время впадать в меланхолию, столько нужно успеть за сегодня» - мысленно одернула я себя. Быстро умылась, расчесалась, оделась в длинный зелёный вязаный сарафан, конечно, полосатый, с белой рубашкой и спустилась завтракать.

Мама уже хлопотала на кухне, чайник посвистывал на горячей печи, шкварчала яичница с беконом, на столе стояла горка из печенья с кедровыми орешками из кондитерской.

Когда мы позавтракали, я, наконец-то, решилась.

- Мама, мне вчера пришло письмо из Центрального Управления Синтоми — увидев, как побледнела мама, я затараторила быстрее — Но ты не пугайся, пожалуйста! Меня приглашают на обучение. Хотя, судя по интонациям письма, это скорее приказ, чем просьба. Мне не оставляют выбора.

- А на письме была какая-то подпись? Кто его отправил? — спросила мама всё ещё испуганно.

- Нет — изумленно ответила я — Почему спрашиваешь?

- Когда начинаются занятия, у нас есть время подготовиться к твоему отъезду? — проигнорировала мама мой вопрос.

- Про обучение не написано, наверное, получу инструк-

ции по приезду, а вот отплытие завтра рано утром, в 6.20.

Мама ахнула от неожиданности, и отпустив резко кружку на стол расплескала чай, порывисто встала, чуть не уронив стул, долго искала тряпочку, а когда вернулась, была уже как будто абсолютно спокойна. В этом вся мама, опять спрятала всё в себе, одела свою маску непроницаемости. Бабушка говорила, что раньше мама была совсем другой. Поэтому и в этом я винила отца, я была уверена, что это из-за него мама стала замкнутой, погруженной в свой мир. Вот и сейчас, если бы я не знала ее, я бы спокойно ушла на работу радуясь, что всё прошло гладко. Но в ее глазах я прочитала затаенную боль, движения были чуть более суетливыми, а речь немного громче обычного. Я знала эти симптомы, я видела, что стоит мне уехать, она будет работать до изнеможения, чтобы не позволять себе почувствовать, забывая про еду и сон. Я видела это множество раз, когда болела бабушка, когда они с дедушкой покинули нас друг за другом, с разницей в пару месяцев, когда мы в первый раз получили счет, оплатить который не могли, когда я узнала про свой высший уровень и мама боялась, что я перееду в столицу, где талантливым студентам с периферии дают общежитие и стипендию. Но я не смогла оставить ее. Я никогда не жалела о том выборе, никогда. Я и сейчас поступила бы также. Но порой по вечерам я представляла свою жизнь, если бы я сделала другой выбор, интересную работу, командировки по всем островам, новые знакомства и по-настоящему важная работа.

- Мама, я уверена, что это не на долго, это курсы на несколько недель или месяцев, я скоро вернусь. Ты же знаешь, как я люблю наш остров, наш домик. Я не останусь там!

- А я не против, если останешься. Дочка, ты совсем взрослая и я не хочу быть тем, что удерживает тебя здесь. Мне тяжело тебя отпускать, это так, но у тебя своя жизнь, и я хочу, чтобы ты прожила ее так как хочешь ты, а не так как вижу твою жизнь я — в глазах мамы блеснули слезы, маска была сброшена, и я наконец увидела ее настоящую. И я знала, что эти слова дались ей тяжело, и я очень благодарна за них.

- Мамочка, я счастлива жить здесь, рядом с тобой. Не печалься, пожалуйста. Ты меня и не уговаривала остаться, я сама приняла решение после Проявления дара, и оно не изменилось.

Этот дом, воспоминания, которые здесь живут также важны для меня, как и для тебя. Разве я смогу быть счастлива на другом конце земли, переживая о тебе. Да и счастье оно внутри, разве надо за ним мчаться за тридевять земель. Мне хорошо там, где я есть и с кем я есть.

- Спасибо за эти слова, родная. Не беспокойся обо мне. Я обещаю, что не буду лить слезы, я рада, что ты увидишь мир, я так и не смогла выехать за пределы этого острова, а ведь в юности так хотела. Сейчас уже даже страшно, такие приключения хороши в молодости.

- Мама, ты у меня и сейчас молодая и красивая! Давай, когда я вернусь, мы вместе поедem в путешествие, например,

на остров Пряный, говорят там очень красиво, много садов, полей, всё утопает в зелени и южные берега омывают тёплые течения. Будем купаться и пробовать разные блюда, читать, гулять. И никакого вязания!

- С тобой я ничего не боюсь моя взрослая и смелая Мела! Но об этом мы поговорим, когда ты вернешься. Давай лучше решим, что ты возьмешь с собой.

- Я уже составила список, не переживай. Чемодан возьму у Флоры, у нее есть. — вещи я хотела собрать сама, так как мама будет удивлена, если я начну брать всё самое легкое, что у меня есть, ведь Зелёный остров самый южный в нашей стране, а вот на Синтоми, куда я отправляюсь, по маминому мнению, климат мало отличается от нашего и туда нужны пока ещё довольно тёплые вещи.

- Хорошо, тогда вещи собери сама, а я приготовлю тебе провизию на дорогу. До Синтоми плыть не так далеко, но в дороге принято угощать попутчиков, поэтому сегодня вместо вязания буду печь все, что ты любишь.

Мама, наконец-то, улыбнулась, поэтому я не стала спорить, смирившись, что мне придется тащить лишнюю сумку с едой. И спохватившись, что я опаздываю, бегом побежала на работу. В этот раз я не старалась запомнить все перемены вокруг, потому что знала, что поработать сегодня не получится. Объяснюсь с девочками, потом нужно забежать в лавку, купить все, что может понадобится в пути и на Зеленом острове. Поэтому в голове я пыталась составить список

покупок, совсем ушла в свои мысли, лишь изредка поднимая голову, чтобы ответить на чье-либо приветствие. Возможно, из-за моего тревожного состояния, все вокруг мне также казались хмурыми, обеспокоенными и спешащими куда-то. Так уж устроен мир, если ты улыбаешься ему, то и он обязательно улыбнется в ответ, и наоборот, бывает встанешь не с той ноги, смотришь на всё словно через серую стену дождя, и неурядицы начинают сыпаться словно из рога изобилия.

На работу я пришла последняя, чем очень удивила Флору и Софи, которые караулили меня у двери и сразу засыпали вопросами, что же со мной случилось... Я поняла, что тут будет сложнее врать так, чтобы не раскрыли. Хотя мама очень хорошо знает меня, лучше подруг, но они лучше знают жизнь, читают лица и любят задавать вопросы.

- Да всё нормально, расскажу за чашечкой кофе. — сказала я и прошла в свой кабинет, разделась и спустилась в нашу крохотную столовую комнатку, где из мебели был один шкаф и круглый стол с четырьмя стульями вокруг. Несмотря на скучную обстановку комната была уютной, благодаря свежим бежевым обоям в перламутровую полоску и большому количеству цветов на большом арочном окне. На столе лежала ажурная дорожка, вязанная крючком, понятно чьей работы, цвета топленого молока. В центре стола блюдо с пирожками, сегодня нас балует Софи, это она верный почитатель пирожков своей мамы, которые на самом деле очень вкусны и отличаются большим разнообразием вкусов, от обычных с

картошкой и капустой до разнообразных рыбных и всевозможных ягодных, а уж от пирожка со щавелем и я не откажусь никогда.

- У меня действительно есть новости, от которых я сама немного в шоке. Вчера я получила письмо из Центрального Управления, но из-за всего, что на нас свалилось вчера, прочла его только вечером. Меня приглашают на какое-то обучение для словесников, для повышения квалификации — выпалила я, почти не переводя дыхание, стараясь выглядеть невозмутимо и не отводя взгляд.

- Что?! — хором спросили коллеги.

- В Синтоми? — воскликнула Флора.

- Когда едешь? — в то же время сказала Софи.

- Завтра утром отплытие на корабле до Синтоми.

- Уже завтра? — удивилась Софи распахнув огромные глаза.

- Успеешь собраться? — в это же время сказала Флора.

- Да, видимо письмо заплутало, поэтому всё так быстро. Надеюсь успеть собраться, я ещё не начинала. Поэтому я просто забежала сообщить вам новости, и сразу побегу по магазинам и собирать вещи. И может вы уже перестанете говорить одновременно, как-то неудобно выстраивать ответ сразу на два вопроса.

В это время за дверью раздался шум и какая-то возня. Переглянувшись, мы поспешили и выскочив все разом в тесный коридор, практически столкнулись с Генриеттой, нашей

уборщицей, которая умудрилась уронить подставку для зонтиков, пока мыла пол. Генриетта была возраста моей мамы, но абсолютно не следила за собой, говорят, часто выпивала, поэтому выглядела намного старше. Лицо у нее всегда угрюмое, сейчас казалось особенно злым и обиженным.

- Что повыскакивали, пейте дальше свои кофеи! — зашипела на нас она, прищулив злобно глаза и покрепче ухватив свою швабру, как будто собиралась пуститься в бой, используя ее как оружие.

- Генриетта, ну что вы, мы просто вышли посмотреть, что за шум, не будем ссориться — примирительно сказала я, пропуская подруг назад и закрывая дверь, за которой снова послышалось злобное шипение и брань, но понять ничего было уже невозможно.

- Вот как она с самой собой живет, просто поражаюсь — не в первый раз сказала Софи — она сама-то от своего яда не захлебывается? Представляю, как она встает утром, злая на весь мир, и так же ложится. И так день за днем, беспросветная злость, апатия, зависть... Самое обидное, что это она сама творит со своей жизнью. Я знаю людей, которые также, как и она, обладая третьим уровнем, намного лучше устроились в жизни.

- Не суди ее, Софи — попросила Флора — мне ее жалко, говорят в школе она была красавицей, пользовалась большой популярностью у одноклассников, но когда все узнали ее уровень и дар, то отвернулись от нее. С этим не так легко

справиться. Давайте лучше вернемся к потрясающим новостям... Я очень рада за тебя Мела, ты так мечтала путешествовать, описывать и узнавать что-то новое, теперь у тебя есть шанс.

- А ещё у тебя есть шанс изменить свою жизнь и переехать в Синтоми, ты же такая талантливая — с энтузиазмом выпалила Софи и уже тише — но мы, конечно, будем скучать!

- Да что вы, куда я уеду. Вы же знаете, я не брошу маму, она уезжать отказывается, уж не знаю почему. Не могу отделаться от предположений, что спустя столько лет она ждет папу, даже не ходит никуда. Если ему хватит наглости прийти, он от меня получит «ласковый» прием! В общем, я вернусь, а вы берегите, пожалуйста, мою маму, заходите к ней хоть изредка.

- Конечно, дорогая, не беспокойся за нее, - кивнула мне Флора.

- Спасибо! Что бы я без вас делала. А ещё кое-что, Флора, ты можешь одолжить мне свой чемодан, а то у нас своего и не было никогда.

- Хорошо, я принесу его сама после работы к тебе домой, не беспокойся!

И снова, в этот раз, громкий шум прервал нашу беседу, и даже не выходя из нашей столовой, мы поняли, что в этот раз произошло что-то серьёзное. Входная дверь с грохотом распахнулась, стук сапог в музейно-библиотечной тишине просто оглушал. Мне казалось, что мое сердце бьется в эти се-

кунды так же громко и неистово. Флора первая встала и открыла дверь, в нее тут же влетел Стефан, младший брат Софи, ему только недавно исполнилось четырнадцать. Лицо его покраснелось от бега, глаза распахнулись не то от ужаса, не то от восторга. Мы в ожидании смотрели на него, пока он, сделав несколько тяжелых вдохов, наконец, смог говорить:

- Там на площади митинг, люди с плакатами. Говорят, что не разойдутся, пока к ним не выйдут представители Собрании Избранных и не выслушают их требования.

В следующую секунду Софи и Флора успели переглянуться и синхронно заслонить собой выход. Их взгляды, если бы они могли, метали бы громы и молнии, а ещё лучше сети, чтобы те удержали меня на месте. Я тоже вскочила со своего стула, в эту секунду в моих мыслях пронеслись все мои надежды и чаяния, что когда-нибудь и в нашем городке будет происходить что-то действительно важное, что-то, что делает мою писанину действительно важной и ценной для потомков. Наверное, и дня не проходило, чтобы я не ныла, что в нашем городе ничего не происходит, что хочется настоящего дела. Видимо, мой взгляд отражал все эти мысли, потому что мои подруги и коллеги хмуро расступились, пропуская меня. Я сбегала в кабинет за сумочкой с письменными принадлежностями, накинула пальто и, уже закрывая двери, услышала крик Флоры: «Будь осторожнее, не высовывайся там!»

В этот раз, стараясь как можно быстрее двигаться в сто-

рону площади, я не упускала ничего из того, что видела вокруг: встревоженные, а порой и злые взгляды, резкие выкрики, быстрые шаги. Обычную сонную атмосферу маленького городка сменила напряженная готовность, словно на ринге перед боем, паническая суэта. И чем ближе становилась площадь, тем больше становилось напряжение, голоса громче, лица угрюмее. Многие держали плакаты, некоторые я успела прочитать: «Разным уровням — равные возможности»; «Не отдадим наши таланты Синтоми»; «Нет расслоению общества по уровням», и совсем уж радикальные, как-то: «Жить счастливо — жить без уровней»; «Человек без дара не значит бездарный» и всё в таком духе. Последний транспарант меня особенно удивил. «Человек без дара», что имел в виду тот, кто написал это. То, что люди не должны узнавать свой дар и надо отменить Проявление дара или у него была какая-то информация о том, что происходит на Зелёном острове... Но времени подумать не было, меня быстро оттеснила толпа. Теперь я не управляла траекторией своего движения, словно лист по бурному ручью я двигалась с потоком людей, стараясь по возможности остаться с краю. И по воле случая мне удалось остановиться как раз на углу ресторанчика «Кедровый кофе», но снаружи все столики убрали, чтобы их не снесла толпа, поэтому делать записи придется так, держа блокнот в руках.

Площадь, всегда уютная, нарядная и светлая, окруженная невысокими двухэтажными резными деревянными и камен-

ными домами с ажурными ставенками, яркой черепицей, с милыми магазинчиками и ресторанами, сегодня была забита народом. Было очень много молодых людей, которые ещё не прошли церемонию Проявления Дара, их мотив был мне понятен. Они сейчас очень напуганы, скоро их жизнь разделится на до и после. И знать свой уровень — это порой испытание. Видимо остальные — это те, кто имеет низкий уровень и не довольны новой политикой Центрального Управления. Но к немалому своему удивлению я заметила несколько преподавателей из Высшей Школы Дара и других уважаемых в городе людей.

Пока не было заметно никакой организации всей этой акции, кажется она возникла стихийно и никем не контролируется, но в центре площади явно что-то происходило. И через несколько минут стало понятно, что к остову из бревен прибиваются доски, очень быстро возводится трибуна для ораторов. Пока никто не выступал, я старалась переписать все лозунги с транспарантов, которые могла различить. Старалась подобрать правильные описания того, что вижу, записывала просто слова, которые приходили в мою голову, чтобы по ним потом восстановить события и эмоции того, что происходило. Записывала некоторые наиболее радикальные выкрики из толпы. Некоторые люди казались напуганы происходящим и, кажется, не прочь бы уйти отсюда, но толпа плотно сжала всех в свои тиски. Некоторые, попытавшиеся развернуться и уйти были жестоко осмеяны.

Какая же страшная вещь толпа людей, кажется брось в эту гущу сейчас кого-нибудь из правительства и его просто разорвут. Площадь была словно охвачена пламенем ненависти.

Мне вспомнилась эта же площадь, праздник урожая. По периметру стоит множество торговых палаток с самыми разными товарами: ягоды, свежие и сушеные, мед, орехи, банные веники, леденцы, разнообразные пирожки, вышитые подушечки и лоскутные одеяла, игрушки, сделанные своими руками, картины с видами нашего острова. Мама тоже всегда была рада поучаствовать и продавала вязанные носки, варежки, митенки, шарфики, милые брелоки, футляры для очков, в общем все, что могла придумать. Мама всегда знала, что модно в этом сезоне и ее рукодельные вещички были не только актуальными, но от них исходило тепло и уют. В этот день мы всегда много зарабатывали и по вечерам позволяли себе небольшой пир. Все горожане любили этот праздник и съезжались полакомиться фермерскими продуктами. На сцене пели песни, танцевали, проводили игры и конкурсы. Люди улыбались друг другу, подзаряжаясь хорошим настроением и весельем.

Та же толпа, те же люди. Но сейчас их подпитывала ненависть. Иногда, когда люди уставали от крика и скандирования лозунгов, чья-то голова выныривала из моря голов и принималась, размахивая руками, рассказывать свою историю загубленной жизни. Странно, но хотя городок у нас совсем небольшой и очень многих на этой площади я знала хо-

тя бы визуально, но вот этих личностей не видела никогда. Закралось подозрение, что всё это кем-то спланировано.

Несколько раз возникало ощущение, что на меня кто-то пристально смотрит, как будто покалывание в области затылка, но оглянувшись, я никого не видела. Я топталась на месте, чтобы не замерзнуть. Кажется, приближался обеденный час, по ощущениям с момента утреннего кофе прошло уже довольно много времени. Люди всё прибывали и прибывали.

Трибуну, наконец, достроили. Первым вышел выступать не знакомый мне человек, который говорил хорошо поставленным голосом, языком опытного оратора. Он говорил о том, что наше общество встало не на те рельсы и катится с горы в бездну. На эти рельсы нас поставило Центральное управление, которое сплошь состоит из людей девятого и десятого уровня. Теперь они пытаются провести законы, которые возвысят их над остальными, не будет больше равенства и дружбы между людьми. Вернуться времена, когда супругов и друзей выбирали с уровнем не ниже собственного. Когда люди с низкими уровнями будут сидеть без работы, получая мизерную плату, на них будут смотреть свысока и обращаться с пренебрежением. «Всё это уже было!» - кричал пожилой оратор, с покрасневшим от гнева лицом. - «В эпоху королей, всё это было, но мы свергли тиранов тогда, сможем и сейчас».

Толпа согласно завопила.

Следующей вышла также неизвестная мне женщина, которая представилась специалистом по психологии и рассказывала о том, как детей ломает страх перед процедурой Проявления, какие необратимые раны наносятся душе, которая при полном зале людей слышит о своем низком уровне, про то, что общественное мнение и низкая самооценка часто не дают достигнуть им большего. «Мы губим наших детей» - она говорила почти тихо, но ее слышали все, стояла звенящая тишина - «Долой Проявление, долой деление на уровни». И опять вопль согласия и единения.

После ее речи даже у меня в душе зашевелился червячок сомнения в том, что наши традиции и устройство общества несут мир, процветание и радость всем людям, как нам твердили на уроках.

Третьим на сцену вышел совсем молодой парень, очень приятной наружности, с открытым взглядом и обаятельной улыбкой. Он рассказывал о том, что и без знания уровня и дара можно найти свое место в жизни. Рассказывал, что так уж вышло, что он не знает свой уровень и дар, но смог найти себя и живет счастливо, и другие тоже смогут. Молодой человек оказался тем, кто на днях собирался открыть большой цветочный магазин в центре города, что-то такое я слышала от Флоры. Не очень понятно, как он мог не знать свой дар и уровень, может болел, но тогда он должен был прийти через год, или его укрыли родители, возможно такие же идейные как предыдущие ораторы... Это оставалось загад-

кой. Возможно из-за некоторых странностей, его выступлению просто поаплодировали, но восторгов оно не вызвало.

Далее на трибуне оказался один из наших преподавателей в Высшей Школе Дара, который вел у нас современную литературу и искусство обращения со словом, он говорил о том, что Синтоми забирает всех, у кого уровень выше восьми. Конечно, не силой, просто им предлагают такие условия, что уезжают все, что из всех его студентов с высоким уровнем, в Лабруане осталась только Мелисса Бейкер, то есть я.

Я почувствовала, словно на меня вылили ушат холодной воды, захотелось спрятаться, на меня тут же повернулись несколько человек, а за ними, казалось, вся площадь.

«Дадим ей слово! Слово! Слово!» - завопили вокруг и толпа понесла меня вперед, в голове было пусто, я не представляла, что говорить. Возле трибуны я почти упала, но парень, который выступал и рассказывал про цветочный магазин помог мне удержаться на ногах и за руку вывел на трибуну. Так страшно не было мне даже... никогда мне не было так страшно.

Я стояла перед огромной толпой, не зная, о чем говорить. Профессор, развернул меня, посмотрел в глаза и сказал: «Просто расскажи почему ты осталась, почему ты не уехала. Они хотят это знать».

«Здравствуйте, меня зовут Мелисса Бейкер. Я словесница, десятого уровня. Я не знаю, что сказать, на самом деле мои причины довольно просты, я люблю свой город, я люб-

лю свою семью и наш коттедж, который так заботливо строил мой дедушка, сад, за которым всю жизнь ухаживала бабушка. Я тоже получила заманчивое предложение занять высокооплачиваемую должность в столице, но я не могла себя представить вдали от всего, что мне дорого. Это не подвиг. Может не такой речи вы все ждали от меня, но это честно. Я никогда не переживала из-за своего дара или уровня, но я понимаю почему сегодня на этой площади так много людей. Главное, помнить, что у всех нас есть много общего, мы столько лет живем на нашем Кедровом острове, здороваемся при встрече, порой болтаем о пустяках, помогаем друг другу в трудные моменты. Вы против деления на уровни, но сами делаете то же самое, иначе я бы тут не стояла. А ведь я такая же как вы...» - я старалась вложить всю искренность в свои слова.

- «Такая же! Хватит врать!» - услышала я громкий выкрик из толпы - «Она завтра едет в Синтоми, я сама слышала... А потом там и останется, как и все...»

Кричала Генриетта, наша уборщица, видимо она подслушала наш разговор под дверями.

Теперь на меня с ненавистью смотрели все собравшиеся на площади, казалось, что на меня не мигая, пристально смотрит налитый от ярости кровью огромный глаз. От его взгляда я ежилась, становилась меньше. И я даже не могла сказать, что уезжаю совсем на другой остров, чтобы защитить себя.

«Я еду, это так, но это ненадолго, я вернусь, я обязана поехать» - теперь я говорила совсем тихо, думаю меня мало кто слышал, раздались свист и крики. Кто-то закричал: «Ты не такая как мы! Предательница!» И вдруг кто-то предложил: «А давайте не отпустим ее! Не отпустим больше наших детей в столицу! Хватайте ее!» И я увидела, как кто-то, раздвигая толпу локтями, протискивается к трибуне. Я попятилась, почувствовала, как нога проваливается в пустоту. Потом недолгий полет, я нелепо машу руками, но удара почему-то не последовало.

Глава 3. Мариус

Я открыла глаза, но разницы почти не почувствовала. Меня окружала темнота, иногда пересекаемая четкими полосами света. В этих ослепительно ярких линиях над моей головой плавали золотые пылинки. Сверху слышался топот ботинок, со всех сторон доносился монотонный шум толпы, иногда прорезаемый громкими выкриками. Похоже, я нахожусь под наспех построенной трибуной. Вот только как это могло произойти?

Глаза понемногу привыкали к темноте, и я различила неясный силуэт в нескольких шагах от себя. Мне стало страшно, но я подавила крик внутри себя, вспомнив, что там снаружи целое скопище людей, которые были настроены ко мне не особо дружелюбно и привлекать внимание вновь не хотелось. Поэтому я спросила шепотом:

- Кто здесь?

Человек подошел ближе, чтобы мы могли переговариваться шепотом и ответил:

- Здравствуйте, меня зовут Мариус Рид, можно просто Мариус, я выступал незадолго до вас. Вы падали, и ещё было похоже, что вас хотели схватить, поэтому я, когда поймал вас, толкнул сюда, извините, если было больно. Нас видел профессор и психолог, но они не расскажут никому, не вол-

нуйтесь. — мои глаза уже настолько привыкли к темноте, что я смогла различить его дружелюбную улыбку.

- Меня зовут Мелисса Бейкер, и я совсем не планировала выступать, я хотела лишь описать это событие, я словесница этого города. Но что же мне теперь делать? Как выбраться отсюда? Как думаете, я смогу незаметно уйти?

- Я думаю, что стоит дождаться окончания, когда все разойдутся. Люди под влиянием толпы могут вести себя жестоко, совершать вещи, о которых будут жалеть. Хотя, это может затянуться, - словно в подтверждение его слов снаружи разнесся одобрителный вой, видимо опять кто-то выступал, и его принимали восторженными криками.

- Наверное, стоит подождать — с грустью сказала я. — Мне нужно завтра попасть на корабль. Боюсь, меня действительно могут где-нибудь запереть. Мне твердили подруги, что нельзя сюда ходить, но я не слушала. Я же многих из этих людей на площади всю жизнь знаю, и они меня знают. Я никогда не пыталась из-за уровня дара занять выгодное положение или добиться повышения зарплаты, я думала, что это всем известно. Моя жизнь ничем не отличается, она совсем не примечательна.

- Ну, во-первых, вы - это исключение. Вы единственная на весь город, кто остался жить тут, остальных-то получилось переманить в столицу. Когда вас вызвали на сцену, то многие смотрели с надеждой, что может и не нужно ничего менять. Что сейчас все мирно разбредутся по домам, ведь люди

на площади не так уж хотят радикальных перемен. А вышло наоборот, что вы разожгли этот костер только сильнее. Во-вторых, откуда вам знать, что их жизнь не отличается от вашей, что вы можете знать со своим десятым уровнем об их жизни, об их мыслях и чувствах. И в-третьих, не ждите от людей ничего, я тоже думал, что люди вокруг меня в большинстве своем добрые, желают мне всего самого хорошего и искренне заботятся, но это было до Проявления...

Речь резко оборвалась, он проговорился. Значит процедура Проявления была, значит у него просто низкий уровень, вся его история была придумана для зрителей и талантливо сыграна. Я так и подозревала, что эта акция протеста планировалась где-то выше. Но где и кем? Может и психолог не психолог? То, что кто-то, воздействуя на умы и настроения людей, пытается совершить переворот в стране, вызывало ужас. Но пока это не моя война. Сейчас мне нужно переждать до окончания этого действия, со всех ног бежать домой и собирать вещи. А этот человек, пусть и обманщик, но сегодня он мне помог, спрятал от всех, теперь вынужден сидеть в этом ящике со мной, в темноте. Собственно, он мог бы уйти сразу, но он не бросает меня, а мне совсем не хочется, чтобы он уходил, поэтому я и не предлагаю ему это. Остаться тут одной было бы слишком страшно.

Новые крики снаружи заставили меня встрепнуться от задумчивости. Мариус стоял напротив и смотрел на меня изучающе, казалось, он пытался проникнуть в мои мысли.

Заметив, что я тоже смотрю на него, отвел взгляд и спросил:

- Смотрел и думал, насколько твоя жизнь отличается от жизни людей, которые пришли сюда. От моей... Я не виню тебя и не завидую, но мне интересно, такая ли она безоблачная, как видится всем, насколько велика пропасть между нами?

- Разве бывает абсолютно безоблачная жизнь? Я не могу назвать ее тяжелой, но и у меня как у всех есть свои проблемы, которые не дают уснуть, сомнения, которые порой лишают аппетита и заботы, которые делают каждый мой день похожим на предыдущий. Но я, как ты верно заметил, не могу сравнивать, я не переживала многих чувств, о которых говорили там, наверху. Я не волновалась из-за низкого уровня или своего дара, у меня сразу появилась работа, которую я люблю, на меня никогда не смотрели сверху вниз. Но и я ни на кого не смотрела свысока. Если честно, я, наверное, жила слишком беспечно, раз не задумывалась над всеми этими вопросами. Одно я знаю точно, я должна вести летопись этого городка. Но я всё упустила, не заметила, не прочла по лицам и не облекла в слова. Все, что сейчас говорят над нашими головами, стало абсолютным откровением для меня, я и не подозревала, как много недовольных политикой Центрального Управления на нашем острове. Разве достойна я после этого называться лучшей... - сказала я и мне стало неловко, что разоткровенничалась перед незнакомцем. Может дело в том, что эта странная ситуация сблизил нас, как мне показав-

лось в ту секунду. Возможно нам сидеть здесь ещё несколько часов, может лучше поболтать и заодно попытаться вывести на откровенность своего товарища по заточению в этом темном, продуваемом всеми ветрами коробе. В ответ на мои откровения Мариус смотрел на меня сосредоточено, но взгляд его стал как будто холоднее. И он молчал. Не ответил ни слова. Я в очередной раз отругала себя за то, что открыла душу, когда уже клялась себе не делать такой ошибки.

Я отвернулась и прислушалась к речи очередного оратора. Кто-то молодым и звонким голосом рассказывал о своей поездке в Синтоми, про богатые и красивые дома, пышные скверы, парки с каруселями, ярмарки, вернисажи и концерты каждый день. Про то, что люди там счастливы и благополучны, а нам перепадают лишь крохи со стола господ, небольшие подачки. И, о боже, он стал говорить про нашу картинную выставку! Про то, что только такие убогие картины могли прислать в наш захолустный городок. Всё лучшее остаётся в столичных галереях. И опять в сердце кольнула иголка согласия, ведь разве не об этом я подумала, увидев эти картины, но не позволила этой мысли сформироваться, разбила ее силой воли или может быть своей трусостью. Может мне просто не хватает смелости признать то, о чем говорят все эти люди. Может, просто я закрываю глаза на всё, что может поколебать мой покой, живу в выдуманном мире...

Следом знакомый голос приводил примеры как много порой добивались люди, которые имели средний показатель

уровня, и о том насколько большего бы они добились не связывая их эта цифра. Она рассказывала про санитаря с четвертым уровнем, который успешно принял роды у беременной женщины, пока врач спешил к пациентке. Про учителя в школе у ее дочери, который обладая всего лишь пятым уровнем по математике, влюбил в эту науку весь класс, потому что у него есть совокупность других талантов: любовь к детям, понимание их психологии, терпение и упорство. Сейчас получается, что человек оценивается лишь по главному своему таланту, а иногда бывает, что совокупность других способностей делает его более ценным специалистом, но на это никто уже не смотрит. И снова ее слова показались мне вполне логичными и это мучило меня. Толпа вокруг всё больше неистовствовала, требовала выйти представителей власти для того, чтобы вручить им свой манифест. А речи всё не кончались. Выходили простые горожане и говорили о своей истории и боли, о судьбах детей и родителей. Их слова проникали в ум и душу и, даже не делая пометки в своем блокноте, я знала, что не забуду их. Нужно обязательно записать всё услышанное.

Кажется, прошло несколько часов. И вот наконец, возле трибуны появился какой-то маленький перепуганный человечек, по крайней мере таким я его представила, когда услышала тихий и писклявый голос, который обещал, что все положения манифеста будут обсуждаться на Собрании Избранных, а сейчас он просит всех разойтись по домам и ожидать

ответа от правления в течение недели. Он говорил так тихо, что его слова пришлось повторить женщине, выступавшей ранее. Я даже из-под трибуны ощущала, как сейчас боится и трясется этот политик, но не осуждала его. Я испытала те же чувства. Ненависть целой толпы — это ужасно, она убивает в человеке человека, отбирает чувство собственного достоинства, уверенности и ощущение общности и целостности.

Трибуна опустела, но к счастью, никто не бросился ее разбирать, видимо посчитали, что ещё пригодится, поэтому мы спокойно ждали, когда площадь опустеет. Все очень устали от многочасового стояния и торопились к теплему домашнему очагу. Некоторые компании отправились в пабы и бары, продолжая обсуждать выступления ораторов. Время от времени раздавались удаляющиеся выкрики с лозунгами, которые были написаны на транспарантах. Постепенно стало совсем тихо.

Для верности, мы остались ещё на полчаса в нашем укрытии. Молчание становилось невыносимым, неловким, но может это только для меня. Я несмело взглянула на Мариуса, он тоже пристально посмотрел на меня, спокойно и невозмутимо. «Почему только меня мучает эта неловкость?» - разозлилась я, а вслух сказала:

- Пожалуй, можно, наконец, постараться незамеченной добраться до дома. Я очень благодарна вам за спасение, Мариус. Не поймите неправильно, но я не могу отказаться от завтрашней поездки. И не потому, что я хочу поехать, я про-

сто обязана. Если бы вы не спрятали меня, мое отплытие оказалось бы под угрозой. Желаю Вам успехов с вашим цветочным магазином!

- Подождите, Мелисса, не спешите прощаться. Я не прощу себе, если не провожу даму, которая оказалась в опасности. Таким меня воспитали, поэтому позвольте мне выполнить свой долг, иначе я не смогу сегодня спать спокойно! — в его голосе вдруг послышалась теплота и забота.

- Вы уже доказали свою смелость и находчивость, когда спрятали меня здесь, так что всё хорошо, я справлюсь сама.

Но он открыл дверь, вышел сам и подал руку мне со словами: «Если вам не нравится мое присутствие, то я просто пойду позади и удостоверюсь, что вы благополучно добрались, мне большего не надо».

На улице был золотой час, то есть осталось совсем немного до заката, свет был мягкий и бросал красивые золотые блики на ноздреватый снег, всё вокруг было янтарно-медовым. Природе не было дела до человеческих неурядиц, она щедро одаривала в этот вечер самыми прекрасными дарами: легким, уже не таким холодным ветерком с ароматом таяния и хвои, пением птиц, которые раньше нас почувствовали, что совсем скоро настанет конец холоду и темноте. Тёплый свет преломлялся в сосульках, повисших на ветвях елей на площади, и деревья стояли словно украшенные гирляндами.

Вот в этот волшебный момент, когда мир застыл для меня во всем своем великолепии, я и увидела Мариуса, выйдя из

тени, он снял шляпу и слегка поклонился. Я почувствовала себя героиней сказки про принцесс. И только сейчас я смогла как следует рассмотреть его. Светлые волосы лежали мягкими волнами. Мне, чтобы моя прическа выглядела так же чудесно, не обойтись без парикмахерской. У него же локоны лежали естественно, волосок к волоску и отливали золотом в лучах солнца. На лбу упрямая морщинка гордецов между бровей, глаза серо-зеленые, сейчас они смотрели на меня с усмешкой. Он заметил, что я изучаю его, но продолжал стоять, протянув мне руку и улыбаясь. У него чудесная улыбка, озорная и светлая, казалось ему можно простить всё на свете за нее. Мариус был не очень высок, скорее среднего роста, одежда на нем сидела чудесно, явно шилась на заказ. И тут я пристальнее взглянула на его наряд.

- Боги, что на тебе? И ты в этом несколько часов простоял на холоде? — гневно зашипела я, хватая его под руку и потащив в сторону дома. — Идем быстро, буду греть тебя чаем.

Было от чего гневаться, одет Мариус был в обычные тонкие брюки, ботинки на тонкой подошве и пальто, короткое и слишком легкое для начала сезона утра. Шляпа с полями не закрывала ушей, которые алели от холода, да и румянец на щеках тоже свидетельствовал о том, что их обладатель прилично замерз. Я злилась на него и на себя, что не отправила его ещё пару часов назад из нашего укрытия. Единственное, что я могла сейчас сделать, это согреть его дома. Мой спутник пробовал что-то возражать, но я настояла на своем, и он

покорился моему решению.

Шли мы очень быстро, почти бежали, я знала, что это поможет ему согреться лучше всего. Мариус молчал, я тоже, но теперь это молчание не было неловким как под трибуной. Мы словно перешагнули какую-то стену, разделявшую нас, общая цель, усталость и голод соединили нас, а все, что разделяло нас в тот момент, казалось неважным. Я шла, а в голове были всего две мысли: «Еда, тепло. Тепло, еда. Мамочка, как же я замерзла и хочу есть. Скорее бы...». Думаю, мысли Мариуса были примерно такими же. До дома мы добрались, когда солнце начинало клониться к горизонту. Я не заметила ничего подозрительного, никаких косых взглядов или преследования, правда я старалась ни на кого не смотреть. Казалось, что когда я не смотрю ни на кого, то и они меня не увидят и не заметят. Рассуждения, как у малыша, играющего в прятки, но на большее меня тогда не хватало. Главное, что мой план сработал и нас никто не остановил.

Открыв двери, я втащила гостя внутрь и не смогла сдержать улыбки от вида того, как блаженство разливалось по его лицу. Он не удержался и просто уселся у порога растирая замерзшие колени и руки. Только теперь я поняла, до какой степени он замерз, и улыбка тотчас исчезла с моего лица. Я стояла и не знала, что делать. Нашла глазами маму, она уже бежала к нам. Не удивлена, значит опять смотрела в окно и заприметила нас уже давно. Мама проворно подскочила к Мариусу и всё время что-то бормоча, словно уговаривая ма-

ленького ребенка, помогла ему снять холодное пальто, ботинки, и почти взвалив его на себя, повела к очагу и усадила на свое кресло, укрыв пледом. Пока я раздевалась, мама уже несла чай с медом, вторым пледом закутывала ноги гостя.

- Меня зовут Анна, я мама Мелиссы. Похоже, вы очень замерзли, посидите у огня, согрейтесь немного. Но пока вы в холодной одежде всё равно будет морозить. Как будете в состоянии, лучше переодеться в теплую одежду, а потом я накормлю вас горяченьким и станет совсем тепло. За ужином расскажете мне, что случилось, а то я места себе не находила. Я слышала про митинг на площади и очень боялась за тебя, Мела. Я так понимаю, вы там так промерзли. И ты тоже, — кивнула она мне, — иди переодевайся скорее, тебя тоже надо согреть.

Я немного растерялась от маминых хлопот, обычно она молчалива и спокойна, но видимо эта непонятная ситуация расшевелила ее, сподвигла на длинные речи и решительные действия. Взяв себя в руки, я скорее поспешила в свою комнату, одела то же, что и обычно одевала дома, костюм из ярко-желтой пряжи с зелёным венком из мелиссы на кофте и буквой «М» посередине, натянула красные вязаные носки, и не удержавшись на пять минуточек залезла под одеяло с головой, там я быстро почувствовала, как воздух нагревается от моего дыхания и тепло наконец стало разливаться по телу. Пришлось заставлять себя выползти из-под одеяла.

Мариус сидел в том же кресле, но уже одетый в одежду

дедушки: до боли родной свитер в серо-белую полоску и его любимые брюки для работы в саду. Свитер пах дедушкой, я знала это, я несколько раз приходила в их с бабушкой комнату, когда он умер, вдыхала запахи, трогала их вещи, садилась на кровать и вспоминала дорогие сердцу моменты. Больше всего я тогда боялась забыть... Сейчас не боюсь, сейчас я знаю, что не забуду их никогда, что иногда больнее помнить, но эту боль я не променяю ни на что... Они проросли сквозь меня. Мои мысли — это их мысли, мои интонации в голосе — это бабушкины интонации, а злюсь и ругаюсь я как дедушка. Все дедушкины истории, что вспомнила, я записала в отдельную книжечку, бабушка рассказывать о себе не любила, к сожалению. Каждая моя клеточка несет родовую память о них и матери, потому что они делали меня той, кто я есть. Я предпочитала думать, что от отца во мне нет ничего.

Но видеть этот свитер на Мариусе сейчас было так неожиданно, странно и больно. Я растерялась, и непрошенная слезинка все-таки успела скатиться по щеке. Он заметил, посмотрел вопросительно, а потом вдруг засмеялся и спросил: «Твои вещи всегда такие яркие, цыпленок?»

Я смутилась и покраснела, мысленно обругав себя за свой наряд. Видимо мой замерзший мозг просто не мог думать о моде и стиле в момент выбора одежды. Почувствовав, что щеки алеют, я рассердилась и смутилась ещё больше, открыла рот, чтобы поставить наглеца на место, но не придумав что сказать снова закрыла, потом решившись снова открыла

и тут услышала смех, заливистый словно колокольчик, это было так заразительно, что я тоже засмеялась, представив, как смешно выглядела со стороны. Неожиданно к нам присоединилась и мама. Я так давно не слышала, как она смеется, слишком давно. За эту секунду я была готова простить Мариусу все. Я смеялась со слезами на глазах, только бы эта секунда не заканчивалась, только бы мама всегда была такой как в этот вечер. Только бы она смеялась.

Потом мы все вместе сели ужинать. Это было очень странно. Уже много лет за этим столом всегда сидели двое, один говорит, а другой слушает. Сегодня впервые за столом оживленная беседа. Перебивая друг друга мы с Мариусом, рассказываем о выступлениях на площади. Я стараюсь скрывать, посеянные в душе, сомнения, Мариус же говорит с открытым восторгом. Он явно доволен, что пришло так много людей и тем эффектом, который произвели на людей речи ораторов. Мама выглядит растерянной и напуганной происходившим. Наш гость, кажется, понял, какой эффект произвела его речь и остановился.

Он стал рассказывать про свой цветочный магазин, про любимые растения и про дизайнера, который помог сделать всё именно так как было задумано: напротив входа три яруса полок, словно лестницей уходят к потолку, между ними балясины разных форм и цветов, они обвиты различными плющами и вьюнками, которые дальше всего стоят от покупателя, в середине полки будут декоративно-лиственные расте-

ния, и на самом краю растения с красивыми цветами. Будет шкаф с красивыми кашпо, рядом с кассой будут полочки с кактусами, ещё будет стеллаж с книгами о растениях, красивыми открытками и закладками с цветами. На гвоздиках вдоль боковой стены будут висеть нарядные леечки, фартуки и перчатки для огорода. ещё в магазине будут удобрения, пакетики семян для посадки, садовый инвентарь. А в тёплые сезоны года рядом, на улице, будут стоять горшочки с саженцами плодовых растений и цветов. ещё Мариус мечтает, чтобы в магазине можно было купить кружечку хорошего кофе или местного чая с травами, и кулечки с кедровыми орешками вприкуску, но пока не придумал, как и это втиснуть в небольшое помещение, где уже полным ходом идет ремонт.

- Когда открытие? Я с удовольствием приду, мы очень запустили наш огород и сад, я всё думаю, что надо бы им заняться — неожиданно для меня вновь проявила инициативу мама.

- Совсем скоро, я завтра плыву на родину, как раз для того, чтобы погрузить растения и привезти их сюда с моего острова. Там, в магазине, пока всем управляет мой заместитель, отплываю завтра утром, так что мне надо торопиться, я ещё не собрал свой багаж — вдруг вспомнил и порывисто встал Мариус, лицо его вновь стало каким-то непроницаемым и холодным.

- Это чудесное совпадение. Не могли бы вы помочь моей Мелиссе на причале, подсказать что и как, она ни разу не

плавала на корабле — вдруг к моему ужасу попросила мама.

Вот как я буду ему объяснять завтра, почему сажусь не на корабль до Синтоми, а до Зеленого острова.

Но мои возражения уже никто не слушал, и было договорено, что в пять часов утра Мариус зайдет за мной и поможет мне с посадкой на корабль. Я же про себя решила, что просто уйду на полчаса пораньше и постараюсь пробраться на корабль незамеченной. Пока он переодевался в свои вещи, мама собрала и для нашего гостя узелок с булочками, печеньем, кексами с изюмом в дорогу. И как он не пытался протестовать, но тут с мамой не сладишь, узелок пришлось взять. Мама с Мариусом простились тепло, меня же гость удостоил лишь холодным взглядом и обещанием прийти утром. «Что за раздвоение личности у этого типа?» - крутились мысли в моей голове, то он заливается хохотом над моим свитером, то смотрит как на врага. Но времени обдумать причины столь странного поведения не было совсем, мне тоже нужно было успеть собраться в дорогу и хоть немного поспать.

Только сейчас я вспомнила, что у меня нет подходящей сумки, но мама успокоила, что за час до моего возвращения, заходила Флора и принесла старенький кожаный черный чемодан довольно внушительных размеров. Кажется, что этот чемодан, в отличие от меня, был во множестве путешествий и много повидал на своем веку. В одном месте расплылось бурое пятно, сетка морщин обозначала почтенный возраст, гвоздики почему-то были покрашены в веселый зе-

лѐный цвет и смотрелись вычурно и немного нелепо, но выбора у меня не было. Флора и рассказала маме о том, что происходит в нашем обычно тихом и спокойном городке.

Я с чемоданом прошла в свою комнату, времени составлять списки, продумывать гардероб у меня не было, да и не такой обширный он у меня. Поэтому я просто положила самые лучшие свои наряды, несколько простых юбок, блуз и тёплый кардиган на случай холодов, положила удобные туфли без каблука, наугад бросила несколько пар перчаток, сумочек, связанных мамой. Взяла два больших блокнота для записей. Положила свой любимый канцелярский набор в шкатулке из кедра, на крышке которой была вырезана кедровая же шишка, как один из символов острова. Внутри ручка с корпусом из того же дерева и набором стержней, простой карандаш с тонким грифелем и набор цветных для зарисовки интересных объектов. На верхней крышке был кармашек для хранения скрепок, ластиков и прочих мелочей. Среди прочего, там лежала небольшая картинка местного художника, нарисованная в один из праздников на той самой площади, где я сегодня столько пережила. Мы с мамой изображены, стоящими плечом к плечу и серьёзно смотрели вперед. Наверное, я бы хотела, чтобы на этой картинке мы смеялись и обнимались, но тогда это были бы уже не мы. Этот набор я получила от мамы на последний день рождения и очень дорожила им.

Прежде чем спуститься вниз, я взяла маленькую запис-

ную книжку, и сев за стол, приступила к реализации идеи, которая пришла в мою голову во время ужина. На первом листе я красивым почерком написала посередине страницы: «3 день утра года». Чуть пониже написала: «Сегодня твой первый день без меня. Пожелай мне хорошего пути и не грусти. Если я не отважусь сказать это при прощании, то знай, что я очень люблю тебя! Каждый день отрывай по одному листочку, надеюсь, я вернусь до того, как этот календарь закончится»

На следующем листе было: «4 день утра года. Хватит питаться тем, что приготовила к моему отъезду, приготовь на завтрак пшеничную кашу с клубникой. Заботься о себе хорошо, пока меня нет рядом.» Далее: «5 день утра года. Пора сходить в магазин за продуктами. На обратном пути зайди в пекарню и порадуй себя чем-нибудь вкусным». Так я исписала около тридцати листов с советами и словами поддержки, на последнем было: «33 день утра года. Если я ещё не вернулась, то не печалься, что этот листок последний. Ты уже научилась жить без меня, а со мной обязательно всё будет хорошо, я очень скоро снова буду рядом с тобой.»

На улице было совсем темно, часы показывали половину двенадцатого. Я, поставив собранный чемодан у двери, подошла к маме, которая сидела за столом, глядя в одну точку. Сейчас она казалась маленькой и потерянной, словно маленькая девочка, но при этом как будто постаревшей. В уголках покрасневших глаз залегли морщинки, уголки губ пе-

чально опущены, рука, на которую она опиралась лбом, казалось, поддерживает ее тело от падения. Сердце мое сжалось, и я порывисто обняла ее со спины, слова рвались с языка, но я так и не смогла ничего сказать. Что за глупый демон внутри меня заставляет всё прятать в себе, запрещает любые слова о чувствах и переживаниях. Иногда мне, кажется, что если бы я просто рассказала кому-то о том, что живет в моем сердце, о своих потерях: папе, бабушке, дедушке, то моя жизнь изменилась бы, что разрушились бы невидимые цепи, что сковывают меня. Но я снова не смогла. Я поставила кипятиться чайник и, несмотря на позднее время, мы с мамой ещё раз попили чай с пирожками. Я рассказывала о книге, которую читала самой последней - это роман о художнике, который обладает высшим уровнем дара и пишет картину с портретом прекрасного юноши. Но тут начинаются чудеса, картина при каждом дурном поступке этого юноши отражает все его пороки, но он сам всё также молод и прекрасен. Давно пора было ложиться, но мы всё сидели и сидели, мама молчала, я заполняла тишину как могла, зная, что моей родной и любимой ещё долго придется быть с ней наедине.

Маму я попросила не вставать утром, потому что я уйду совсем рано, да и прощаться будет тяжело нам обоим. Спать пошли совсем поздно и поставив будильник на четыре часа утра, я сразу провалилась в сон.

Глава 4. В путь

Проснулась я совершенно разбитой от раскатистого звонка будильника, который постаралась отключить как можно быстрее, чтобы не разбудил маму. Помня, что должна собраться быстро и избежать встречи с Мариусом, я уговорила себя сразу подняться с постели. Но сил двигаться не было, тело было тяжелым, веки не хотели подниматься, я ползала по дому как сонная муха. Пришлось заново открывать чемодан, чтобы достать зубную щетку, которую я уже упаковала, потом ещё раз всё перекладывать, чтобы найти билет, который оказался вместе с письменными принадлежностями. Позавтракать я не успевала, хотя крепкий ароматный кофе мне требовался как никогда. Часы показывали без двадцати минут пять утра, когда я наконец вышла из дома в объятия морозного утра. На улице было темно, почти как ночью, неудобно и зябко.

По моему плану я должна была быстрым темпом идти к причалу, который находился в пятнадцати минутах ходьбы, но тяжелый чемодан и плетеная сумка с провизией, собранная мамой, внесли свои коррективы. Я дошла до угла улицы, когда услышала топот позади себя и сердитое шипение. Охваченная дурным предчувствием, я медленно обернулась. Так и есть. Мариус. Злой, как чёрт, сверкая глазами, он до-

гонял меня с такой же плетеной авоськой от мамы и крошечным чемоданчиком. «И как там можно что-то уместить?» — успела подумать я и изобразила на своем лице приветливую улыбку.

- Ну и как это понимать? — злым шепотом поинтересовался он, продолжая метать в меня молнии глазами — Мы же договорились в пять у твоего дома!

- Я замерзла и решила ходить туда-сюда, чтобы стало хоть немного теплее. Как раз хотела повернуть к дому — нашлась я и мысленно погладила себя по головке за находчивость, для убедительности переступая с ноги на ногу, как будто пытаюсь согреться.

- С таким-то чемоданом? Он весит едва ли не столько же, сколько и ты — раздраженно буркнул Мариус, и я поняла, что он ни на йоту не поверил в мое вранье.

Я опять с самым растерянным выражением лица смотрела на него, пытаюсь что-то придумать, но в голове была пустота. Меня затопили стыд, смущение и паника. Как же мне теперь из этого выпутываться.

- Неважно, идем, — сказал он, забирая из моих рук чемодан. — Если тебе неприятно мое общество, то не стоит придумывать пустые оправдания. Неискренность я всегда чувствую, слишком часто с ней встречался.

В этот момент я впервые почувствовала, что он открыл частичку души и своих переживаний. Значит, за его выдуманной историей была не менее печальная настоящая. Я, ко-

нечно, попыталась его переубедить, говорила, что не хотела навязываться и прочее, но он мне не поверил, я это видела. Его взгляд был словно лед. Я замолчала, и так в тишине мы и подошли до причала. Если бы я не испытывала сейчас невыносимое напряжение и души и тела, то, наверное, восхитилась бы этим видом, я никогда не бывала здесь так рано. Солнце только начинало подниматься на востоке и небо, посветлев, приобрело розоватый оттенок, бросая блики на тяжелый снег и отражаясь в дымовых трубах кораблей. У причала стояли пришвартованными три больших корабля, нужный мне был крайним справа. Они казались огромными, два из них были совсем новыми и поблескивали горделиво и хвастливо третьему товарищу, потрепанному жизнью грузовому судну, лучшие времена которого давно прошли. Несмотря на усилия своих матросов, он выглядел словно старик, который пытается хорохориться и не уступать молодым. Мелких суденышек было бесчисленно много, от утлых лодочек, до красивых белоснежных катеров. Они мерно покачивались на волнах, корабли-гиганты же стояли как влитые, недвижны и величественны. Пристань была выстелена деревом, в некоторых местах проглядывающим сквозь снег, покрытым наледью и опасно скользким. Мы подошли к резному белому ограждению, я вцепилась в него словно в спасательный круг — силы удерживать равновесие были уже на исходе.

До посадки на корабль в Синтоми было ещё 25 минут, а

посадка на нужный мне корабль до Зеленого острова должна была начаться через пять минут. Нужно было срочно что-то решать. Я отвернулась от Мариуса и, глядя на океан, мучительно старалась найти выход. Спутник за моей спиной холодно произнес: «Мне нужно решить одну проблему с билетом. Жди здесь, я вернусь и расскажу, где и как проходит посадка на корабль, отплывающий в столицу. Не сбегай от меня снова».

Он ушел. Я знала, что другого шанса не будет. Мне было противно делать то, что я решила, стыдно за саму себя. Мое путешествие начиналось совсем не так, как я себе представляла. Как только Мариус скрылся в здании порта, я, схватив чемодан и свою сетку, бросилась к пароходу, скользя, словно на коньках, по замерзшей дорожке. На корабле как раз началась посадка. Я самым наглым образом растолкала людей в очереди, которые тоже спешили погрузиться на корабль, и под возмущенные крики одной из первых подала свой билет. Взойдя на борт, я поспешила скорее покинуть палубу, спрятаться внутри, и поэтому, озираясь по сторонам, пошла искать шестую каюту.

Перед тем, как нырнуть в чрево корабля, я бросила последний взгляд на пристань и увидела Мариуса, он стоял на том месте, где я бросила его чемодан и озибался в поисках меня. Даже отсюда я понимала, что он зол и разочарован. За последние сутки он столько сделал для меня, а я отплатила ему черной неблагодарностью. Меня захлестнуло чувство

вины, но мне нужно было держать в тайне цель моего отплытия, и я поспешно шагнула внутрь корабля, мечтая побыстрее найти свою каюту и спрятаться внутри. Я планировала выйти только после отплытия.

Издали я часто видела корабли, но никогда не была на борту. Длинный коридор казался бесконечным, идеальное практическое задание для урока рисования, сплошная геометрия, перспектива, строгость линий. Моя каюта оказалась совсем рядом, она была двухместная, но моя соседка, видимо, вышла отдохнуть, забыв на кровати ажурную шаль, а на столике кружку с недопитым чаем. Я была рада, что осталась одна и могу спокойно оглядеться и привести чувства в порядок.

Обстановка была самая простая: две кровати, две тумбы, шкаф и крохотный столик. Всё это было таким, как я представляла, когда читала книги о путешествиях: гладко полированное темное дерево, похоже на мореный орех, масляные лампы, дающие немного тускловатый свет, белое, словно подкрахмаленное, постельное белье под светло-коричневым покрывалом и подушки стоят как паруса, растопылив пузатые бока. Напротив входной двери одно небольшое окошко, с видом на рассветное небо с блекнущими звездами. Над моей кроватью висит карта мира, нарисованная очень красиво, в оттенках сепии. Из-за шершавой, кое-где порванной бумаги казалось, что она старинная. Очень хотелось прикоснуться к ней, но карта была убрана под стекло и помещена в кра-

сивый багет в бежевых тонах. Над второй кроватью по центру висели большие часы в деревянном корпусе, выполненном в виде корабельного руля. С одной стороны от часов висел прибор, который показывал давление и температуру, а с другой компас, всё из того же дерева, что и часы.

Но главное - это запах, неповторимый вкус приключения и свободы. На корабле пахло удивительно и волнующе, много непривычных ароматов смешивались в нечто единое, но я уловила некоторые составляющие: запах готовящейся еды и кофе, масла и смазочных материалов, краски, соли, которая вездесуще набивается во все щели, терпкий древесный аромат и свежесть морского бриза.

Я поставила чемодан у своей кровати, взбила подушку-парус и прилегла в ожидании отплытия. Корабль совсем чуть-чуть покачивался на волнах, волны бились о борта, кричали чайки, в коридорах шумели люди. Убаюканная этими звуками, я закрыла глаза и уснула.

Когда я открыла глаза, то поняла две вещи. Во-первых, судя по усилившейся качке, мы отплыли, во-вторых, в каюте кто-то побывал, шаль с кровати напротив исчезла. Голова была тяжелая и неприятно гудела. Сон не принес мне ни бодрости, ни сил, и я пожалела, что вообще прилегла поспать. Хотелось выйти на свежий воздух, пройтись по палубе корабля, казалось, что это взбодрило бы меня. Но я решила ждать, пока меня не найдут остальные члены нашей экспедиции. Я побоялась, что за мной придут, но меня не будет

на месте. Мне же было ужасно любопытно поскорее узнать, что же будет дальше, любопытно и страшно.

Чтобы не терять время, я достала блокнот и стала зарисовывать карту, которая висела над моей головой. Но только наших Северных островов. Я хотела стрелочками показать наш маршрут, отмечая, сколько мы проплыли за день, и делать путевые заметки, как настоящий мореплаватель.

Западнее всех находился Скалистый остров, богатый рудами и полезными ископаемыми. Говорят, что жить и работать там очень сложно. Эти края изобилуют большим количеством дичи и всякого высокогорного зверья, вроде горных козлов, но местным отчаянно не хватало всего того, что дают нам сады и земледелие, потому что плодородной почвы там почти не было. Этот остров часто становился местом действия моих книг, как один из самых диких и неизведанных уголков нашей страны.

Примерно в тех же широтах находился и Олений остров с нашей столицей Синтоми, лесистый, зелёный, самый густонаселенный из островов, на него я и должна была отправиться по легенде. Олений остров был также известен многочисленными достопримечательностями, ведь можно сказать именно там зародилось то государство, которое сейчас существует. Революция была кровавой, и говорят, что на Оленем острове нет и пяди земли не политой кровью наших соотечественников. Такую цену мы заплатили за то, чтобы у власти находились действительно способные и талантливые люди, а

не инфантильные дети, которым власть досталась лишь из-за их фамилии.

Ещё дальше на Северо-Восток находился наш Кедровый остров. Последним в этих широтах был о-вов Крайний, вытянутый словно бумеранг. Там стояла большая часть нашего военного флота и военные базы. Попасть на этот остров без особого допуска было невозможно, поэтому информацию о нем можно было почерпнуть только в слухах и хвастливых речах тех, кто якобы побывал там, но боюсь правды в этом было немного.

Южнее моего родного острова находился остров Пряный, тот, куда мы с мамой запланировали отправиться после моего возвращения. Он был самым популярным местом для путешествий у жителей с Кедрового, потому что он был окружен тёплыми течениями и обладал многочисленными песчаными пляжами. Меня привлекала ещё и абсолютно непохожая на родной край флора и фауна. Этот остров в значительной мере снабжал страну овощами, фруктами и злаками. Но, главное, пряности, ни на одном о-ве не было таких плантаций самых разнообразных ароматных трав, кустарников и деревьев, популярных у кухарок всего мира, а не только в нашей стране.

На юго-востоке от него находился остров Восточный, остров степей и пустынь, самый удаленный от Кедрового, поэтому о нем сведения доходили редко. В северной части его были большие плантации хлопка, много заводов и фабрик са-

мых разных направлений. Говорят, что именно оттуда начались волнения и митинги из-за возмущения народа последними решениями правительства. Вся южная часть этих земель покрыта жаркой бескрайней пустыней и почти необитаема.

И самый южный остров нашей страны, а также цель путешествия — это Зелёный остров, покрытый пальмами и акациями, с бурными реками, в которых обитают такие виды рыб, которых я видела лишь на рисунках в учебниках. Но самое большое его богатство — это сады, в которых произрастают самые разнообразные фрукты и ягоды, которые на кораблях доставляются во все уголки нашей страны. Кое-что я пробовала только в виде сухофруктов и мечтала, что у меня будет время вдоволь насмотреться на совершенно другой мир и распробовать кухню этого острова.

Мысли о еде пробудили мой голод, и я только решила пойти и узнать у кого-нибудь, где взять кипяток, как двери в каюту отворились. Первой в двери аккуратно вошла молоденькая девушка, она прижимала палец к губам, призывая своего спутника не шуметь. Моя соседка была не высокая, пухленькая и по-детски задорная. Весь ее вид говорил, что она любит шутить и смеяться. И сейчас зеленые глаза ее озорно блестели, ей явно доставляло удовольствие — вот так красться на цыпочках. Она пыталась сжать губы и не смеяться, но не сдержалась, когда увидела, что я не сплю. Рыжие локоны, выбившиеся из прически, сияли словно лучи солнышка во-

круг нее. Одета она была в светло-желтую блузку, длинную ярко-синюю юбку и такой же жилет на пуговицах. Я была очарована ей, не могла отвести взгляд, кажется, вся каюта стала светлее и уютнее с ее приходом, поэтому не сразу рассмотрела ее спутника.

Увидев его, я от удивления распахнула глаза. Это был Магистр Дара, тот самый, что рассказал мне о моих способностях. Он мало изменился, только в темных волосах появилось несколько седых волосинок, под глазами залегли темные круги, но взгляд лучился добром. Одет он был, кажется, всё в тот же костюм болотно-зеленого цвета. Когда его спутница отсмеялась, он первый заговорил:

- Рад вас снова видеть, я догадывался, что именно вы присоединитесь к нам. Вы единственная словесница такого высокого уровня с Кедрового острова. Я запомнил вас, из-за того удивления и паники, в которой вы убежали со сцены во время вашей процедуры проявления. Обычно люди радуются, принимают поздравления, имея ваш уровень, а вы бежали сломя голову. Меня зовут Адриан Фортис, я вроде как отвечаю за результаты нашей экспедиции.

Девушка пыталась собраться и говорить серьёзно:

- Извините за смех, но не смогла удержаться, представив, как я выглядела со стороны. Меня зовут Саммер Сол. Надеюсь, мы подружимся, я помогу вам тут освоиться. Только скажите, если нужно что-то показать или рассказать, и я вся к вашим услугам. А вы любите пить чай с шоколадом по но-

чам? Я обожаю, но когда не с кем разделить удовольствие, то это уже не так приятно. В столице мы по ночам встречаемся на кухне с моей младшей сестренкой, это наша тайна, иначе тетушка бы давно запретила. Она всё время пытается посадить нас на диету, а мы не даемся. Я слишком люблю еду, а вы?

- Ты слишком любишь болтать — с улыбкой заметил Адриан.

- И это тоже. Я очень проголодалась, вот и думаю только о еде — пожала плечами девушка.

Сообразив, что теперь моя очередь представляться, я постаралась говорить не слишком тихо и выглядеть увереннее, чем чувствовала себя на самом деле:

- Я — Мелисса Бейкер, словесница с Кедрового острова. Все называют меня Мела. Надеюсь, что смогу быть чем-то полезной в этом расследовании, но пока не представляю, чем мой дар может вам помочь и как я вообще попала в число участников экспедиции.

- Очень приятно, Мела. Давайте, я сначала соображу нам чай, а потом введем тебя в курс дела. Без меня чур не обсуждать! — последнюю фразу Саммер вновь произнесла игриво-задорно, окончательно покорив меня открытой обаятельной улыбкой.

- Позови нашего буку с собой! — догнал ее уже в дверях окрик Адриана и, кажется, ей это предложение не очень понравилось, по крайней мере она закатила глаза и издала пре-

увеличенно драматичный стон. Даже капризничать у нее получалось очень мило, я бы хотела иметь такую подругу.

- Я смотрю Саммер тебе понравилась, она и правда очень добрая, и хорошая. Но ты должна знать ее талант, она сама не любит о нем рассказывать, поэтому и убежала, предоставив это мне. После того как люди узнают о нем, то начинают ее избегать. У Саммер дар внушения, она не передает тебе свои мысли, но она может навязать определенную эмоцию и у нее десятый уровень, так что имей это в виду. Несмотря на юный возраст у нее большой опыт работы в правительстве, она постоянно присутствует на разнообразных встречах с посланниками из других стран и на собраниях Центрального Управления для создания спокойной благожелательной атмосферы. Я думаю, она не хотела воздействовать на тебя, но она уж очень сильно хотела тебе понравиться, поэтому ее радость и счастье от вашей встречи передались и тебе. Обычно она старается не применять дар в повседневной жизни — сказал магистр дара.

- От встречи со мной? Счастье? Не понимаю. Почему ее может радовать наша встреча? Я не была в Синтоми, вряд ли у нас есть общие знакомые — совсем растерялась я.

- Мне передали список участников нашего расследования за несколько дней до отплытия и личные дела на каждого. Я рассказывал ей про тебя, про твоё посвящение, и Саммер очень захотела познакомиться с тобой. Сейчас ты поймешь почему. Она родилась на Пряном острове и как только узна-

ли ее уровень и дар, родители отправили ее в столицу, не сильно спрашивая, хочет ли она. Как и многих других детей. С того момента, как она поступила на службу, вокруг нее чаще всего оказываются политики и дипломаты, с которыми и не поговоришь особо. Ей всегда приходится сдерживать свой веселый нрав. Кроме того, многие избегают ее из-за дара, так как начинают сомневаться в своих чувствах. Поэтому узнав, что к нам присоединится простая девушка ее возраста, она была очень рада. Она все уши прожужжала, как вы будете болтать допоздна и делиться секретами.

- Теперь понятно, надеюсь я ее не разочарую, но у меня никогда не было близкой подруги, не уверена, что смогу делиться с кем-то секретами, да их и нет у меня. Я никогда не слышала, что бывают такие способности как внушение чувств.

- Да о таких способностях наше правительство всегда старается умалчивать, но широко их применяет. И когда на каком-то острове возникает напряженность или опасность бунта, то туда отправляют в том числе и команду «внушителей», которые стараются смягчить чувства и эмоции людей. Но, конечно, это не все меры, которые предпринимаются. Дальше в ход вступают всякие политические хитрости.

- А ещё есть такие способности, ну необычные? Такие, которые скрываются от остальных?

- Да, таких довольно много, но они очень редкие. Есть дары, которые бывают у одного-двух человек на всю стра-

ну. Бывают дары опасные, их обладатели предпочли бы отказаться от них, как от проклятья. Такие люди живут изолированно от общества всю свою жизнь. И хотя они ни в чем не нуждаются, но вряд ли их можно назвать счастливыми.

Адриан рассказывал об этом и всё в его облике говорило, что это его печалит, что эти люди его личная боль. Его плечи поникли, глаза блестели, а голос срывался на последних словах. Может он чувствует вину, когда выносит вердикт о даре его владельцу, особенно о таком даре, из-за которого человек оказывается всё равно что в тюрьме.

- А как утаиваются такие способности, если на процедуре проявления они оглашаются на большую аудиторию? — поинтересовалась я.

- Они и не оглашаются. Все Магистры дара предупреждены, что не все таланты называются вслух, поэтому для всех остальных называется что-то обычное, но обязательно десятого уровня, чтобы оправдать последующий отъезд в столицу. Обычно я наведываюсь вечером в семьи, где живет обладатель редкого дара и тогда уже раскрываю способность и уровень. Обещаю золотые горы, интересную и яркую жизнь, возможность потом забрать семью и забираю с собой. Но, конечно, семью на самом деле забрать будет нельзя, о таких дарах не может знать никто, даже родные.

- Государственные тайны выбалтываешь? — вдруг раздался резкий холодный голос.

Я оглянулась на дверь. В проеме стоял очень высокий мо-

лодой мужчина в черных брюках и черной же рубашке с глухим воротом. Рост его впечатлял, голова почти касалась потолка каюты, но из-за излишней худобы, он не производил того впечатления могучего превосходства, какое на невысоких людей часто оказывают люди много выше и мощнее их. Он был угловат и, казалось, не знал куда деть свои руки. Волосы подстрижены очень коротко, совсем не по моде. Глаза серые, холодные, сердито смотрят на Адриана, игнорируя мое присутствие. Тонкие губы сердито сжаты. Казалось, всё в нем вызов и непокорность.

- Себ, не пугай нашу новую коллегу. Возможно, я сказал кое-что лишнее, но думаю вреда не будет. Все мы должны хорошо разбираться в различных аспектах получения дара, чтобы понять, что же все-таки происходит на Зеленом острове. - сказал Адриан и продолжил, повернувшись ко мне - познакомься - это Мелисса Бейкер, будь с ней поласковой, пожалуйста, тебя и так уже Саммер избегает.

- И ничего не избегаю, - вынырнула из-за спины мужчины Саммер с подносом в руках, на котором дымились четыре кружки с ароматным чаем — он сам прячется в каюте от всего мира, я тут совершенно не причем.

- Прошу прощения, что не представился сразу, меня зовут Себастиан Монтгомери. Я бываю резок, заранее извиняюсь — сказал молодой человек у двери, словно пропустив мимо ушей реплику Саммер. Слова словно пули вылетали быстро, резко и равнодушно.

«А что так можно было? Извиниться заранее, это же как купить себе индульгенцию, а потом грешить, не боясь расплаты. Теперь меня что ли и обижать можно, раз я уже предупреждена?» - пронеслась в моей голове гневная мысль, но вслух я сказала только: «Приятно познакомиться!» И постаралась выдавить приветливую улыбку.

В ответ Себастьян гневно посмотрел на меня и фыркнул что-то неопределенное, но определенно сердитое, и сердито поджав губы сел на краешек кровати напротив и уставился на кусочек неба над головой. Саммер и Адриан засмеялись хором, я смотрела на них как на умалишенных. Увидев мой растерянный вид и круглые от изумления глаза, они разразились новым взрывом хохота, лицо рыжеволосой девушки стало красным от смеха, я же покраснела по другой причине. Это становилось совсем не весело. Может смеются надо мной? Может я что-то сделала не так? Вот поэтому я и не любила незнакомые компании, и по возможности старалась избегать их. Из-за своей неуверенности в себе, скорее даже уверенности, что со мной что-то не так, я всё принимала на свой счет. Любой взгляд, который кажется странным, смешок или улыбка, и я хочу сбежать и оказаться в своей комнате, где есть я и книжный шкаф и больше никого. А ещё кофе... Эх как там мои девочки, пьют кофе без меня, наверное, болтают, обсуждая мой отъезд и то, что произошло на площади. Наверное, они уже знают про то, как меня вытащили на трибуну... Стоп! Опять меня куда-то понесло. Я

тряхнула головой, и поняла, что уже никто не смеется. Все трое смотрели на меня, и я, смутившись, опустила взгляд на свои руки.

- Извини за нашу реакцию, Мела — сказала Саммер — но это было очень смешно. Ты сейчас и сама поймешь. У Себа очень интересный дар — он чувствует, когда ему лгут. А ты ему сказала всего одну фразу, что тебе приятно познакомиться с ним. И судя по его реакции, ты на самом деле не рада этому знакомству. И поделом! Может поймет, что добрее с людьми нужно быть, а то всё время как бука, дуется и молчит... Пора бы понять: что посылаешь в мир, то и возвращается к тебе бумерангом.

А мне совсем не было смешно. Получается, я сейчас обидела человека. Пусть такого неприятного и грубого, и похоже, заикленного только на себе, но всё же обидела.

- Мне правда приятно — попыталась исправить ситуацию я.

- Да прекратите врать уже — раздраженно сказал Себастьян — издеваетесь что ли?

Каюту сотряс очередной взрыв хохота. Я решила, что постараюсь ничего не говорить этому человеку, для которого я словно открытая книга. Тут Саммер позвала всех к столу, я достала мамину выпечку и предложила угощаться всем. Видимо голодна была не только я, потому что булочки и пироги быстро исчезали с подноса, ели молча. Чай был очень горячий, приятно согревал руки и успокаивал, аромат, исходяв-

ший от него, кажется, включал в себя ноты клубники, душицы и малины. Я думала о маме, о доме. Нашла ли мама мой календарь на следующий месяц, понравится ли он ей или наоборот он помешает наладить жизнь без меня. Сейчас она, наверное, уже встала, позавтракала и села вязать в свое любимое кресло, думая обо мне.

От раздумий меня пробудила фраза Адриана: «Это самое вкусное, что я пробовал»! Он ел с аппетитом, но очень медленно, явно получая удовольствие. Откусывал кусочек и очень медленно жевал булочку с корицей, чуть не закрывая глаза от удовольствия.

- И он не обманывает — подтвердил Себ — по-моему мы бывали на одних и тех же приемах в Управлении, где готовили повара десятого уровня самые разнообразные блюда, настоящие деликатесы, неужели эти булочки лучше?

- Может и нет, но я сто лет не пробовал простой домашней еды. Моей мамы давно нет на этом свете. Ем эту булочку и вспоминаю ее, а ещё вспоминаю одну пожилую женщину, которая угощала меня такими же булочками с корицей, с ней тоже связаны чудесные воспоминания, но и ее тоже уже нет в живых. Эти булочки напоминают мне о двух самых счастливых событиях в моей жизни — глаза Адриана были печальны, но на последних словах он посмотрел на меня и улыбнулся, выражая благодарность.

После еды Себастьян рассказал подробности загадки, которые нам нужно разгадать. Их оказалось не так-то уж мно-

го. Первый известный случай был зафиксирован всё там же на Зеленом острове около двадцати пяти лет назад. На процедуре проявления Магистр дара не смог увидеть способности одного парня. Он настолько растерялся, что не догадался действовать по протоколу №5, то есть реагирование на лиц с уникальными способностями. Сделал перерыв на час, думая, что дело в его усталости, но и после отдыха он ничего не смог рассмотреть в глазах парня. Сказал, что им необходимо будет повторить ещё раз. Поэтому, когда он понял, что совершил ошибку, было поздно, слухи разошлись по всему городку и правду утаить не удалось. Следующий случай произошёл спустя четыре года, в этом случае огласку удалось предотвратить. Но управление забеспокоилось и начало расследование. Были выработаны особые инструкции при выявлении молодых людей без дара, решено называть низкий уровень и произвольный дар, а уже потом проводить беседу с семьей, которая, конечно, была только «за», чтобы не разглашать, что результаты проявления сфальсифицированы. Потом эти случаи расследовались, но никакой взаимосвязи выявлено не было. В течение следующих пятнадцати-восемнадцати лет было ещё шесть подобных случаев. А за последние три года количество растёт катастрофически быстро. Если в прошлом году было около десяти детей, то в этом уже около тридцати юношей и девушек. Словно болезнь, которая прогрессирует и заражает только лишь детей. Все молодые люди без дара были обследованы медиками, но никаких серьёзных

проблем со здоровьем или аномалий не было найдено. Каждый год на Зелёный остров снаряжается небольшая экспедиция, чтобы не привлекать внимания, но выявить взаимосвязь не удастся. И так как дар окончательно определяется к совершеннолетию, то раньше его разглядеть и понять на каком этапе он исчезает невозможно. В Управлении полный хаос, там боятся, что об этом узнают все вокруг, ещё больше боятся, что узнают, что они столько лет бездействуют и не могут найти ответы на вопрос о том, что же все-таки происходит на Зеленом острове. Также были взяты пробы воды, земли, исследован состав воздуха. Тут тоже нет ничего подозрительного. На нас возлагаются огромные надежды. По всей стране проходят митинги, народ недоволен политикой Управления. Загадка Зеленого острова может стать той спичкой, что разожжет гражданскую войну в нашей стране. Повториться история наших предков, только тогда наше государство формировалось, а теперь оно может быть разрушено навсегда.

Я вспомнила толпу в родном Лабруане и подумала, что если бы им рассказать то, что сейчас узнала я, то они были бы, мягко говоря, возмущены и во что вылилось бы это «возмущение» одному богу известно!

- У вас есть какой-то план действий? — спросила я.
- Для начала попытаемся поговорить с семьями. Найти связь. Я чувствую, что главное — это найти что-то общее в историях этих семей. Может они посещали одно и то же место, ели нечто странное, пользовались какими-то лекарства-

ми, держали дома животное с какой-нибудь патологией или их покусал человек без дара — пошутила Саммер — но для начала надо оказаться на месте и получше узнать этих людей. Пока мы можем лишь строить предположения. Поэтому я предлагаю не волноваться понапрасну раньше времени, а приятно провести время на корабле. Хотя качка довольно быстро утомляет. Мела, у тебя нет морской болезни?

- Не знаю — я первый раз покинула свой остров — смущенно сказала я.

- Тогда мы должны сделать, чтобы путешествие тебе понравилось — с энтузиазмом откликнулся Адриан — предлагаю сейчас вместе прогуляться по палубе, а вечером сходить в корабельный ресторан, выпить по бокалу красного вина, а ещё я видел, что сегодня будет копченая стерлядь с клубнями картошки и зеленью, обожаю!

- Можно не участвовать в вашей программе на сплочение? — с усмешкой спросил Себастьян.

- Нет! — хором ответили Адриан и Саммер.

- Хорошо, я пойду в ресторан, меню и вправду заманчивое. А вот от прогулки по палубе увольте, меня ожидает интересная книга в каюте.

При его словах, я с сожалением вспомнила, что я не догадалась взять с собой книгу. И подумала, что надо узнать Себа поближе, а уж потом делать выводы какой он человек. Люди, которые любят читать, всегда вызывают у меня симпатию, да и я в конце концов не мягкая мурлыкающая кошечка, скорее

черепаха, что любит отсиживаться под панцирем.

Я уже более открыто посмотрела на Себастьяна и сказала: «Приятно познакомиться»! Он смущенно улыбнулся мне в ответ, и мне стало совсем легко. Перед выходом из каюты мы с Саммер тепло оделись, потом зашли в мужскую каюту. Она была абсолютной копией нашей, только вместо карты висел красивый морской пейзаж и покрывала на кроватях были синими. Адриан тоже оделся, и мы вместе пошли к выходу на палубу. Адриан рассказывал о том, как выбирают древесину для кораблей, заготавливают ее обязательно зимой, сплавляют спиленные деревья по рекам к месту строительства корабля, сушат, распиливают на доски, снова сушат месяцы, а порой и годы. Обработывают дерево смолами и маслами, чтобы защитить от гниения и вредителей. И это только подготовка материала. А ведь есть ещё проектирование, построение чертежей, создание каркаса и его обшивка, установка мачт и парусов, рулевого управления в ещё не такие далекие времена. Сейчас устанавливают паровые машины, корабли быстро шагнули вперед в своем развитии, стали больше, мощнее и быстроходнее. «Но сохранилась ли душа корабля, связь с каждым матросом?» - рассуждал Адриан - «нет крыльев-парусов, носовых фигур - защитников в плавании. Не потеряли ли мы что-то важное в погоне за прогрессом?»

Я шла по палубе, слушала Адриана и представляла, сколько людей потрудились, чтобы спустить этот корабль на воду,

сколько веков нам потребовалось, чтобы получить знания и опыт для постройки этого величественного судна. И наконец мы нашли свободное местечко возле борта и стали смотреть на океан. Земли уже не было видно, одна темная, иссиня-черная волнующаяся масса, прекрасная и бездонная... И корабль, который мне только что представлялся прекрасным и таким огромным, вдруг показался одиноким, маленьким и беспомощным.

- Впечатляет? — спросила Саммер.

- Скорее, пугает — ответила я.

- Это сейчас пасмурно, а когда на волнах играют солнечные блики, это так красиво. А ещё закат, он прекрасен в открытом океане!

- А я люблю выходить на палубу ночью и любоваться на лунную дорожку на воде — подхватил Адриан.

Ещё немного постояв и полюбовавшись на прекрасный вид, мы решили ещё пройтись перед возвращением в каюты и, развернувшись, я нос к носу столкнулась с тем, кого увидеть здесь никак не рассчитывала... с Мариусом.

Глава 5. Команда

За последние пару часов я успела забыть про постыдный побег сегодня утром. Но увидев не менее удивленное лицо Мариуса напротив, в душе вновь шевельнулись угрызения совести и чувство вины. Я сцепила руки перед собой, чтобы скрыть дрожь. Хотелось отвести взгляд, но глаза не слушались — с ужасом и ожиданием они искали что-то в чертах моего недавнего знакомого. Изумление на его лице медленно сменялось обидой, и он смог вымолвить заикаясь, только: «Т-ты?»

- Я, — грустно ответила я, опустив голову, не зная, что ещё могу добавить и как вообще себя вести теперь.

- Мариус, это ты? Давно не виделись! — вдруг воскликнул Адриан, протягивая руку для приветствия.

- Адриан, вот так встреча! Да, уже год прошел с нашей последней встречи. Как сейчас помню, как мы сидели и обсуждали расширение моего цветочного бизнеса в ресторанчике моей мамы, ты дал мне тогда несколько неплохих советов. И вот я открываю свой первый магазин на Кедровом острове, может и благодаря тому, что ты верил в меня — он энергично пожал руку Магистру Дара и тепло улыбнулся, а потом кивнул в мою сторону — Очень интересно, почему вы оказались в компании этой особы? — он взглянул на меня

задумчиво, как будто что-то просчитывая в уме.

- Ты знаешь Мелу? Ах да, ты же возвращаешься с Кедрового острова. Я тебе всё объясню, но только не здесь. Давайте спустимся назад в каюту, такого моциона мне вполне достаточно, ветер пронизывает насквозь. Мариус, познакомься с Саммер, моя коллега, в какой-то степени. Саммер, это Мариус, он успешный предприниматель, у него несколько цветочных магазинов на Зелёном острове.

Мариус и Саммер обменялись любезными приветствиями и всеми положенными словами о том, как приятно встретить хорошую компанию в длинном путешествии.

- Пока идем, Мариус, расскажи, пожалуйста, почему ты выбрал именно Кедровый? — спросил Адриан.

- Есть несколько причин. Я решил, что на Пряном всякой растительности и так хватает, на Оленьем придется выдерживать большую конкуренцию, на Восточном и Скалистом мало плодородной земли, на Крайний не попасть. Вот и остался Кедровый. Но есть и другая причина. Я всю жизнь прожил на одном острове, мечтал путешествовать и увидеть мир, я тебе уже говорил. Кедровый остров показался мне самым интересным вариантом: более суровый климат, хвойные леса, маленькие городки с уютными домиками и добрыми людьми, которые и накормят, и обогреют.

Я поняла, что эта фраза была сказана для меня и, наконец, осмелилась посмотреть на Мариуса. Он остановился и посмотрел мне прямо в глаза, и в них не было больше злости,

только вопрос и интерес.

Саммер, которая смиренно шла в конце процессии всё это время, не успела вовремя остановиться, врезалась в мое плечо, и я покачнулась. Мариус обхватил меня за талию и не дал упасть.

- Видимо, ловить вас — моя судьба — подмигнул Мариус, и я вспомнила свое падение с трибуны. Но сейчас это уже казалось веселым приключением, Мариус тоже весело улыбался, что совсем не походило на вчерашнего моего товарища по заключению под трибуной, порой колючего и резкого. Вероятно, это Саммер включила свое внушение, но зачем? Может, для того, чтобы наш новый попутчик был менее подозрителен и задавал поменьше вопросов. Я же ничего не почувствовала. А может, у нашего нового попутчика просто такой изменчивый нрав, и подобные перепады настроения — его естественное поведение?

Мы договорились через десять минут встретиться у нас в каюте и вновь устроить чаепитие. Как только мы пришли в каюту, моя соседка стала хлопотать о чае, забрала поднос с грязными кружками и куда-то убежала. Я в какой-то прострации сняла свое пальтишко, присела на краешек кровати и начала думать, как объяснить Мариусу свой побег, не посвящая в наше дело. Мне бы очень пригодился сейчас чей-то совет, но рядом никого не было, а в голову ничего не приходило.

Тут дверь открылась и в комнату заглянул Мариус, спро-

сив разрешения войти, в руках он держал какой-то сверток. На нем был бежевый свитер и коричневые брюки, волосы опять в идеальном порядке, а вот я и не подумала себя в порядок привести. Наверняка моя прическа очень пострадала от ветра на палубе, и я машинально пригладила волосы, понимая, что это всё равно не поможет.

Мой вчерашний спаситель зашел и сел рядом со мной, я развернулась к нему и еле слышно прошептала: «Извини, пожалуйста! Наверное, я заставила тебя волноваться!»

Я не знаю, каких слов он ждал от меня, но глаза его опять смотрели сердито, наверное, сейчас мысленно он вновь проживал то, что почувствовал утром.

- Ты думаешь, я волновался? Много чести! Просто я обещал Анне позаботиться о тебе, а получилось, что подвел ее. Вот об этом я думал. Не надо воображать там себе... — резко ответил он, внутри неприятно кольнула обида.

- Ну тогда и оправдываться не буду! — отвернулась я от него, понимая, что веду себя как ребенок, что всё равно придется как-то объясняться, но радуясь хотя бы недолгой отсрочке.

Часы на стене тикали нестерпимо громко и необъяснимо медленно. Я рассматривала царапины на столе и проводила по ним пальцем, лишь бы пережить эти бесконечные секунды. Следы чужих судеб такие материальные и осязаемые и вместе с тем абсолютно немые, они ничего не могут поведать о том, кто плыл в этой каюте до нас, куда и зачем... Мо-

жет сделать ящичек для писем будущим путешественникам, оставить первое письмо, свой говорящий след в истории этой каюты, может кто-то решит продолжить традицию. Это бы немного скрасило скуку и однообразие и мне, и тем, кто в будущем окажется на моем месте.

- Ты просто невозможная! Так и будешь молчать и дуться? — уже без злости сказал Мариус — Да, я немного волновался за тебя, самую капельку. Может, всё-таки поговорим?

Я не могла скрыть торжествующей улыбки, поэтому смогла повернуться к нему только через несколько секунд, порозовевшая и довольная. Но тут двери открылись, каюта мигом наполнилась людьми и стала казаться очень маленькой и тесной для пяти человек. Саммер с подносом шла последней и с трудом протиснулась к столу всё с тем же ароматным чаем, и мы вместе начали хлопотать над угощением. Я вновь достала мамину выпечку, Саммер достала кулечек с конфетами ассорти и воздушным зефиром. Адриан сел рядом с Мариусом, а Себастьян оказался напротив и вид у него был такой же сердитый, как и утром, словно солнце на этом небосводе и не появляется никогда.

Мариус первый протянул ему руку для приветствия и представился: «Добрый день, Мариус Рид, очень рад знакомству»! Видимо, он не совершил той же ошибки, что и я, потому что Себ ответил ему вполне доброжелательно с легкой улыбкой: «Себастиан Монтгомери, тоже рад»! И посмотрел на меня торжествующе, мол, смотри, бывают же нормальные

люди, не как ты. Я хмыкнула и отвернулась, хотелось как-то предупредить Мариуса о способностях грубияна напротив, но скорее всего эту информацию раскрывать также нельзя.

- Я тоже принес угощение к чаю — сказал мой сосед слева и протянул свой сверток. Там оказались булочки с корицей, которые пекла мама.

- Эти булочки мне кажутся знакомыми, кажется, такими же я угощался сегодня утром — подозрительно сказал Адриан, переводя взгляд с меня на Мариуса — откуда вообще вы двое знаете друг друга?

Мне пришлось рассказать о волнениях в нашем городе, о нашем знакомстве и о том, как мы оказались у меня дома.

- У Мелы чудесная мама — закончил мой рассказ Мариус — она очень волнуется за свою дочь и поэтому вчера попросила меня проводить ее и помочь сесть на корабль, который плывет на Олений остров. А она сбежала от меня на пристани и в итоге я ее встречаю здесь, со всеми вами, в пути на мой родной Зелёный. У меня есть догадки, но я бы хотел все-таки точно знать, что же происходит.

Я замерла в ужасе, вот он, этот момент, настал. Вопрос задан, четкий, строгий, требующий однозначного ответа. Ответа, который я не могла озвучить, но и достоверное вранье в голову не приходило. В голове шумело, пальцы похолодели, сердце билось так громко, что казалось его слышат все. И вдруг мне стало легко и хорошо, словно я очутилась в горячей ванной, меня окутало тепло и покой. Я с благодарностью

посмотрела на Саммер. Когда я успокоилась, в моей голове возникли пара вариантов правдоподобного объяснения. Но я не успела их озвучить, так как заговорил Адриан, но обратился он не к Мариусу, а ко всем остальным:

- Я думаю, мы можем рассказать Мариусу цель нашего визита на Зелёный остров, потому что он, к сожалению, в курсе всего, что там происходит. Он, если можно так выразиться, сам «потерпевший». Я также, как и у Мелы, был его Магистром Дара, но не смог разглядеть его. Я приходил к нему ещё раз вечером, наверное, час вглядывался в его глаза, но так и не увидел ничего. Это было около пяти лет назад, ведь так?

- Да, всё верно. Значит, моя догадка была верна. Мела входит в состав очередной экспедиции — сказал он и посмотрел на меня.

Если бы не установленная Саммер атмосфера покоя, то я бы, наверное, выглядела более потрясенной. Тут, видимо, моя попутчица поняла, что ее вмешательство больше не нужно, мысли стали более ясными, накатили тревога, растерянность и жалость. Но я поняла слова Адриана, почему Саммер тяжело найти друзей. Я понимала, что ее вмешательство должно было разрядить атмосферу и не допустить ссоры, но не могла избавиться от ощущения, что была словно марионетка в ее руках, бесчувственная кукла. Я посмотрела на Мариуса и меня всё больше накрывало пониманием его поступков, слов и интонаций.

- Я думала, что ты лгал там, на площади. Как же я не поняла, когда сегодня услышала всю историю людей, не получивших дара, я должна была сопоставить и понять. Извини, ещё раз, что сбежала, я не могла тогда по-другому!

- Лучше бы вы не приезжали все. Как же все семьи, такие как моя, устали от ваших экспедиций. Каждый год вы приезжаете, берёдите наши раны, вселяете надежды и исчезаете, а нам приходится опять собирать себя по кусочкам и стараться забыть то, что делает нас не такими, как все, а потом вы приезжаете и снова разбиваете нашу жизнь на осколки.

- Я знаю, Мариус, я всё знаю! — хлопнув его по плечу, сказал Адриан, - но это приказ, и, кажется мне, в этот раз у нас отличная команда, а если бы ещё и ты помог нам, то все двери открылись бы перед нами. Люди скорее расскажут нам что-то, если с нами будешь ты.

- Разве мы можем работать вместе с ним? Ты не слышал, Адриан? Он вчера выступал на площади с митингующими. Ты разве не понимаешь, что он не на нашей стороне! — яростно возразил Себастьян.

- Нет ни его стороны, ни нашей. Это ты не понимаешь, Себ! — Адриан почти кричал - люди устали, запутались и хотят справедливости и правды. Да, это то, чего боится Управление, это «другое», отличное от общепринятого мнение, но кто высказывает его? Простые люди. Или все те люди на площадях не только Кедрового острова, но и других, тоже на другой стороне. Будешь бороться с ними? Как только ты про-

ведешь эту черту, разделишь на своих и чужих, дашь чужим имя, например, «революционеры», «смутьяны» или «предатели», то ты уже вступил на путь гражданской войны. Я же не хочу разделять людей на группы. Если столько людей недовольны, значит есть причина. Есть проблема, которую надо решить, и мы можем сделать один из шагов для этого.

- Не думаю, что такую речь одобрили бы в Управлении — сказал Себ, с вызовом глядя на Магистра дара — но ты тут главный, тебя поставили ответственным, так что, как скажешь, шеф!

- Хотите знать, что думаю я? — спросила Саммер, и сама же ответила — думаю чай уже почти остыл. Давайте покушаем с удовольствием!

И все, порядком уставшие от выяснения отношений, от новых, свалившихся на них фактов, приступили к трапезе. Адриан снова налегал на булочки, и я пообещала положить ему с собой, раз уж ему так понравилось. Мариус рассказывал про то, как мама грела его вчера, почти тащила на своих хрупких плечах, а потом вспомнил мой костюм и стал снова дразнить меня цыпленком. Саммер смеялась, Адриан расспрашивал нашего нового спутника о Кедровом, Себ задумчиво слушал всех. А я, я впервые за день осознала, кто я и где я. Я буквально разрывалась от счастья, что меня ждет настоящее приключение, от того, как мне нравится моя команда, а к темноволосому буке напротив тоже привыкну. Я слушала всех вместе и не слушала никого, с сияющими восторжен-

ными глазами я смотрела на них и восхищалась их необычными талантами, умом и обаянием. Мой восторг был немного лихорадочным и нездоровым, видимо, из-за насыщенного событиями дня меня словно маятник бросало от одних эмоций в другие, абсолютно полярные предыдущим. Кажется, Саммер такая же счастливая, как и я, сияет улыбкой, иногда вставляя уместные и точные комментарии в беседу Адриана и Мариуса, которые оказались настоящими болтунами и очень хорошими знакомыми. Они рассказывали, что встречаются редко, не чаще раза в год, но эти встречи всегда затягиваются и продолжаются до самого позднего вечера, когда на небе появляются первые звезды.

Наши гости разошлись только спустя пару часов беззаботной болтовни, было решено, что и за ужином в ресторане, Мариус присоединится к нам. А сейчас было время отдохнуть, да и что ещё делать на корабле. Саммер быстро уснула, а я крутилась на своей кровати, раз за разом переживая события дня и сон не шел ко мне. Поэтому я взяла блокнот, и чтобы не путать события, с обратной стороны записала все, что казалось мне важным, все, что помнила о событиях вчерашнего дня. Сейчас даже не верилось, что это было только вчера. Что ещё вчера я была дома, ужинала с мамой и жила свою самую обычную жизнь. Потом я задумалась о своей роли в этом расследовании. Я понимала, зачем нужен Адриан, ведь он Магистр Дара, кроме того он сам непосредственный участник событий и больше всех погружен в эту исто-

рию. Саммер поможет своим талантом для создания расположения к нам семей «пострадавших», сгладит острые углы, поможет успокоить и воодушевить людей. Себ поймет, если кто-то попытается лгать. А вот какую роль во всем этом играю я? Может, Управление верит, что в этот раз у нас получится выяснить правду и я смогу донести до людей историю в нужном свете. А если нет, то что будет со мной и моими записями, не стану ли я тогда опасной для власти. Эта мысль пугала, поэтому я решила постараться и как могу помогать, чтобы найти разгадку, а не просто работать секретарем и записывать всё сказанное.

Потом мысли мои перескочили на сегодняшний вечер. У меня не только с собой, но и дома не было красивой одежды для торжественных случаев, обычно я одевалась довольно просто. Но сегодня хотелось быть красивой, поэтому я очень тихо открыла чемодан и среди всего, что было, выбрала свой красный костюм, в котором была на обряде Проявления Дара. Он был нарядный, но довольно строгий и вряд ли подходил случаю, но ничего другого я не придумала. Так как волосы у меня не очень длинные, да и замысловатые прически я делать не умею, я просто заколола сзади волосы шпильками в «ракушку», выпустив несколько прядей спереди, они красиво завились после целого дня в косе. И к моменту пробуждения Саммер, я была в полной боевой готовности. Сидела на кровати, сложив руки на коленях и не знала, куда ещё я могу себя применить.

Саммер похвалила мой образ и тоже стала собираться. Она достала из шкафа ширму и, когда вышла из-за нее, я ахнула от неожиданности. Она была в шифоновом изумрудно-зеленом платье в пол с широким ремнем на талии, на ногах туфли на высоком каблуке. Рыжие волосы она распустила, заколов лишь прядки возле лица золотистыми невидимками. Она выглядела чудесно... Как бы я хотела иметь хоть одно такое платье, но, с другой стороны, так я буду привлекать внимание, чего совсем не хочется. И я решила, что вполне довольна своим нарядом и тем, что в нем на меня вряд ли будут обращать внимание. Саммер же чувствовала себя вполне уверенно, она пока собиралась всё время щебетала на какие-то девчачьи темы, о платьях, прическах и косметике, я же едва поддерживала разговор, потому что мало понимала в моде, но, боясь показаться невежливой, старалась поддержать беседу.

Наконец настало время ужина, и мы с Саммер отправились в корабельный ресторан. Он находился в самом конце коридора, который перестал быть безлюдным. К ужину все оживились, освоились, навели первые знакомства и жизнь закипела словно в растревоженном улье.

Вслед за своей спутницей я подошла к красивым резным дверям, за ними нас встретила неожиданная роскошь. Всё светилось мягким золотым светом, масляные светильники на стенах были в позолоченных фигурных бра, с капельками стеклянных бус, спускающихся вниз. На каждом столе

стояли свечи в изысканных канделябрах. Скатерти на столах безупречно белоснежные, посуда из тонкого фарфора и хрусталя, накрахмаленные салфетки конусами вздымаются у каждой тарелки, шампанское в ведрах со льдом. На стенах картины с морскими сюжетами, все в спокойных голубовато-золотистых тонах, вода на этих картинах голубая и спокойная, а не та черная волнующаяся бездна, которую я видела сегодня. Панорамные окна с одной стороны зала, убраны голубыми же бархатными шторами с золотыми кистями, сейчас они раздвинуты и в окно можно увидеть чистое, уже украшенное звездами небо, сверкающе-прекрасное. Возле окна пустая площадка для танцев. Возле дальней стены небольшой оркестр всего из нескольких инструментов: рояля, арфы, скрипок, трубачей и кларнетов. Музыканты в черных костюмах и белых рубашках. Официанты снуют по залу в небесно-голубой форме с позолотой. Я никогда не бывала в таких местах и чувство восторга боролось внутри с робостью и скованностью.

Все столики в зале уже были заняты. Видимо, к этим вечерам пассажиры готовились и принаряжались, потому что все посетители ресторана были очень элегантны: дамы в сверкающих платьях, в бриллиантовых и жемчужных украшениях, мужчины в строгих костюмах.

Наши товарищи по плаванию уже ожидали нас, Адриан и Себастьян были одеты также, как и в обед, а Мариус был в том же костюме, что и на площади день назад. Я шла к на-

шему столику и думала о том, что когда люди едут куда-то вместе, по одному пути, то они попутчики, а раз мы вместе плывем, то можно ли нас назвать поплавками. Мне стало смешно, я старалась не приснуть от смеха, но губы непроизвольно растягивались в глупую улыбку, с которой я и села за наш столик. Смех сразу прошел, когда я увидела количество приборов перед собой. И чем из этого едят рыбу? Ничего, посмотрю на остальных и разберусь, решила я. Когда подошел официант, то мы дружно заказали основное блюдо из копченой стерляди и картофеля. Я присмотрела несколько десертов, которые хотела бы попробовать. Адриан заказал на всех пару бутылок шампанского, чтобы отметить начало нашей экспедиции.

Рыба была восхитительно вкусной, у меня даже получилось разобраться со всеми столовыми приборами и выглядеть вполне достойно. Разговор за столом шел на весьма отвлеченные темы: обсуждались блюда, которые предлагают на кораблях, вспоминались интересные происшествия в путешествиях, больше всего их было у Адриана, ведь около третьей части жизни он проводил в пути. Саммер тоже очень хорошо рассказывала истории. Они всегда звучали мило и тепло, и посмеивалась она чаще всего над собой и своей рассеянностью.

После сытного ужина и приятных бесед настало время танцев. Я надеялась просто понаблюдать со стороны, но Адриан сразу пригласил меня на танец. И повел не в гущу тан-

цующих, а подалее от всех, на небольшой свободный уголок у окна. Он, похоже, так же, как и я, не умел танцевать, поэтому мы просто топтались под музыку, не исполняя никаких замысловатых фигур. Находясь так близко с Адрианом, я почувствовала интересный горьковато-сладкий запах, чем-то знакомый, но я никак не могла вспомнить, где же я его могла чувствовать раньше.

- Что за интересный у тебя парфюм, очень пряный и знакомый аромат? — не выдержав, спросила я.

- Это не парфюм — засмеялся мой партнер по танцу — Понимаешь, когда ты много времени проводишь в море, то одежда всё время сырая и запах от нее не самый приятный. Я по совету коллег сделал мешочек с золой, который вытягивает влагу из чемодана и добавил для запаха сухую смесь корня и цветов горечавки. Этот запах мне напоминает о родине.

- И у нас тоже она растет, бабушка показывала мне эти красивые синие цветы, мы собирали их ради горьких корешков, она их сушила и делала лекарства для желудка — теперь я поняла, почему этот запах показался таким знакомым.

Мимо пронеслись Мариус с Саммер, он кружил ее, а она весело смеялась. Я оглянулась на столик, Себ со скучающим видом смотрел на нас, я улыбнулась ему, но он отвел взгляд, не улыбнувшись в ответ.

- Наверное, с Мариусом тебе было бы веселее, я совсем не умею танцевать, и обычно не делаю этого, но сегодня поче-

му-то захотелось. Знаешь, я ведь родом со Скалистого острова, там жизнь очень сурова, взрослые с утра до позднего вечера на работе, почти никаких развлечений. Там дети очень рано начинают сами о себе заботиться и становятся взрослыми. И я готовил себя к такой жизни, я до Проявления не представлял, в чем мой талант. А танцевать вот, так и не научился.

- Я тоже не умею танцевать, ничего страшного — постаралась утешить его я.

- Но у вас, наверняка, есть всякие праздники на площади, я даже знаю, что у вас есть клуб для танцев.

- Да всё верно, но я никогда не интересовалась этим, не ходила в клуб, я больше любила проводить вечера дома с мамой, бабушкой и дедушкой, или с хорошей книгой — пояснила я.

- Отца, я так вижу, в этом списке нет, прямо как у меня. Мой папа погиб под завалами в шахте, мне было всего три года, я даже не помню его.

- А моего и не было никогда. Мама не говорит, что случилось. Когда-нибудь я докопаюсь до правды, если он жив, то найду его и скажу, как же я его ненавижу.

- А мама? Тоже ненавидит? Она больше не вышла замуж?

- Не знаю, что чувствует мама, иногда кажется, что ждет его до сих пор...

- А моя мама ждала меня, много лет ждала, но так и не дождалась. Даже о том, что ее не стало, я узнал спустя месяц.

- Почему же так вышло? — удивилась я.

- Дело в моих обязанностях. Полгода я провожу в пути, ведь Магистров Дара не так уж много, даже очень мало, единицы, по правде говоря. Приходится постоянно кочевать из города в город, с острова на остров, потом я же ещё преподаю в университете Синтоми историю Дара, а это зачеты, экзамены, пересдачи. У меня на отдых остается от силы неделя в год, но разве за неделю можно что-то успеть... Да кому я вру, конечно, можно. До Скалистого плыть полтора дня. Но я каждый год откладывал, мне всё казалось, что через годик соберусь, а сейчас просто буду спать и есть, гулять по городу. Я ведь жалел себя из-за своей кочевой жизни, ни семьи, ни детей. Но однажды оказалось, что следующего раза не будет и теперь я действительно совсем один.

- Наверное, было очень больно... — я старалась посочувствовать, но даже боялась представить его горе.

- Что-то мы всё о грустном, Расскажи-ка лучше о своих увлечениях, Мела, что ты любишь? — сменил тему Адриан.

- Ну тут всё скучно, я заядлый книголюб. В детстве любила помогать бабушке в саду, но теперь он совсем зарос. Люблю готовить что-то вкусное для мамы. Она порой забывает даже поесть, как ребенок она у меня, но мы с ней хорошо живем, привыкли. Я читаю ей вслух. Иногда у нее бывает много клиентов и дом как проходной двор, но иногда бывало, что мы весь день, проводили только вдвоем.

Музыка закончилась, Адриан поклонился, подвел меня к

столику, потом сославшись на головную боль, ушел в каюту. Я думаю, на самом деле он расстроился из-за разговора про его маму. Иногда, рассказывая, мы погружаемся в воспоминания глубже, чем хотели бы, а если эти воспоминания подпитываются чувствами стыда или вины, то они способны затянуть словно воронка в пучину страданий. Саммер и Мариус с удовольствием пошли танцевать какой-то ритмичный танец, на сверхбыстрых скоростях. Они кружились, топали ногами. Щеки пылали. Глаза блестели. Я позавидовала их ловкости и веселью. В зале становилось всё жарче от танцующих пар, и я захотела выйти на воздух, чувствуя, что меня все больше накрывает волнами грусти и ощущая себя чужеродным элементом на этом празднике жизни. Возле двери на палубу специально стоял стул с пледами, которые можно было брать, чтобы подышать воздухом и посмотреть на звезды снаружи.

Я сказала о своем намерении Себастьяну и вышла на улицу, прихватив белый пушистый плед огромных размеров, кажется, в него можно было завернуть и четырех таких как я.

Открыв двери, я вышла в чернильно-черную безлунную ночь, и меня окутала долгожданная прохлада. В этот час палуба была почти пуста и я, подойдя к борту корабля, вновь почувствовала себя ничтожно-маленькой в этом огромном мире, но сейчас сердце мое наполняла любовь и трепет перед необъятной вселенной. Звезды словно глаза древних богов смотрели сверху, и взор их был благосклонен и ласков,

а плеск волн тих и нежен. Вот оно, то ради чего я так желала путешествовать, та секунда, которая навсегда теперь моя. От торжественности момента и прохладного ветерка по коже побежали мурашки.

- Можно присоединиться? — услышала я за своей спиной, и, обернувшись, увидела Себастьяна, он продолжил — внутри очень душно, в каюту не хочется, кажется, шефу нужно побыть одному.

- Конечно, я не против — тепло улыбнулась я ему — почему думаешь, что Адриан не захочет никого сейчас видеть?

- Ну всё просто, он лгал про больную голову. А ты почему не веселишься со всеми? — и заглянул в мои глаза сверху вниз. В темноте глаза его были живыми и блестящими, голос заинтересованным, казалось, я говорю с кем-то другим.

- Я не люблю танцевать, не люблю шум. Я бы с большим удовольствием хотела оказаться в каюте, в своей кровати с хорошей книгой в руках, но я забыла прихватить что-нибудь с собой.

- А я половину библиотеки собрал, могу тебе предложить что-нибудь выбрать, заходи в гости завтра.

- Спасибо, я с удовольствием — искренне обрадовалась я и, промедлив, спросила — а можно очень личный вопрос, как ты понимаешь, что человек лжет?

- Нет, это не секрет, тут всё просто, я просто более чувствителен к интонациям других. Когда кто-то говорит не правду, я слышу это так, как ты, например, слышишь грусть

в голосе другого.

- А я-то думала, что ты видишь это как какой-то знак, что-то вроде красной лампочки, видимой только тебе, которая начинает мигать над головой — усмехнулась я.

- А ты забавная. И смеешься над какими-то своими мыслями, я заметил, когда ты шла к столику, хотелось бы знать, что творится в твоей голове.

- Боюсь, там только глупые волнения и довольно обыденные мысли. Смотри, ты же дрожишь от холода, почему пришел без пледа?

Я протянула ему часть своего, благо он был огромным. Потом мы молча стояли, смотрели на океан и далекие звезды, слушали стоны мачт и шепот ветра, ритмичные удары волн о корму. И эта тишина говорила больше слов. И я знала, что мы с Себом поладим, почувствовала в его глазах. За всю мою жизнь я ещё никогда не была окружена таким приятным и тёплым общением, как сейчас. Я привыкла быть одна, и так чудесно было просто стоять рядом и ощущать чужое плечо — плечо человека, который, может, ещё и не стал мне близким другом, но обязательно им будет. И я приложу все силы, чтобы так и случилось.

Глава 6. Разговоры

Утром я проснулась свежей и отдохнувшей. Морская болезнь меня не мучила, и я очень надеялась, что и впредь будет так же. Саммер всё ещё безмятежно спала, разметав золотые локоны по подушке. Я быстро оделась, стараясь двигаться бесшумно, расчесала волосы, заплела их в короткую косичку, сходила умыться и, набросив свое старенькое пальто, вышла на палубу. Солнце уже приветливо протянуло пальчики-лучи к океану, и там, где они встречались, вода искрила и сияла, вместе с ними сияли и все металлические части корабля. Это было божественное зрелище, но оно изрядно слепило, приходилось щуриться, но повернуться спиной к такой красоте мне казалось кощунством. Я немного постояла у борта, но поняла, что топтаться на одном месте довольно холодно, даже несмотря на столь яркое солнышко, потому что тепла оно пока давало немного. Я стала медленно прогуливаться по палубе, она была ещё почти пустой. Только матросы деловито сновали по своим делам, один раз мимо меня прошел подтянутый мужчина, в темно-синем кителе с золотыми галунами, и черной морской фуражке, похоже, это был капитан.

«Интересно, как называются все эти снасти», — думала я — «столько книг про путешествия прочла, а ничегошень-

ки не запомнила. Сейчас бы пригодилось». Мой внутренний монолог прервал Адриан, который тоже решил размяться и подышать свежим воздухом перед завтраком.

- Если мы будем столько есть, сколько вчера, я не в один из своих костюмов не влезу, — с усмешкой заметил он, беря меня под руку, — а я их между прочим на заказ шью. Нужно хотя бы гулять почаще.

- Я только за, погода сегодня чудесная. Мне кажется, что стало как будто теплее!

- Тебе не кажется, мы приближаемся к тёплым течениям, которые огибают Пряный остров. Но наш путь будет идти в стороне от него, поэтому настоящее тепло ты почувствуешь только тогда, когда мы будем приближаться к цели нашего путешествия. Я уже устал от ночи года, не люблю это время. Если бы я был животным, то хотел бы быть медведем и впадать в спячку на это время.

- А как же Новый Год? Праздничное настроение, подарки? — удивилась я.

- Праздники — дело хорошее. Но у меня есть предложение, перенести их на первый день утра года. Вот смотри, когда приходит новый день?

- С наступлением ночи, так же, как и Новый Год, с наступлением ночи года.

- Но для большинства людей новый день наступает утром, когда мы открываем глаза. Поэтому и Новый Год нужно отмечать в первый день утра года. Всё логично — сам себе кив-

нул, как бы поставив точку в рассуждениях мой собеседник.

- Интересный взгляд на вещи — со смехом сказала я — но для меня этот праздник неотделим от всех тех забав и радостей, что нам дарит ночь года, например, прогулки на морозе, такие, чтобы щеки заалели и зуб на зуб не попадал. А потом бежать домой и греться горячим какао с зефирками. А как же елка, холодная и пахучая из леса, которая отогревается дома, становится пушистой и наполняет его самым чудесным ароматом — праздника. А ещё здорово своими руками смастерить украшение на елку и, повесив его, радоваться и гордиться, даже если гордиться нечем, я в поделках не сильна. А зажечь свечи, гирлянды и читать волшебные истории у камина?

- В моем детстве всё было так же, ты напомнила мне сейчас себя в юности. Но я давно не ставлю елку для себя одного, не украшаю дом и даже не готовлю праздничный ужин.

- Значит, приезжай в гости, мы с мамой тебя будем кормить вкусными булочками и вернем праздник в твою жизнь — и сама смутилась от своих слов.

- Ты очень добрая девочка, пожалела брзжащего старика. Хотя, может, и приеду... — задумчиво сказал Адриан. — Я очень люблю Кедровый остров. Всегда прошу, чтобы на Проявление меня отправляли к вам и на Зелёный.

- Кстати, о Проявлении. Если не секрет, расскажи, пожалуйста, как ты понимаешь, что за способность у человека и какой у него уровень.

- Вообще это, конечно, секрет. Но я думаю, что это важно знать для разгадки той головоломки, что нам досталась, поэтому расскажу. Самое главное, когда смотришь в глаза, выкинуть все свои мысли из головы, полностью очистить сознание от всего, что может повлиять на результат, то есть надо словно выкинуть себя из себя, забыть всю свою жизнь и весь свой опыт. Потом ты будто бы начинаешь падать в колодец, он засасывает тебя, но паниковать нельзя, это словно возвращает тебе себя и сразу выкидывает назад. Во время падения этот колодец меняется, стены его светятся, как будто покрыты цветными блестками. Не ярко, но очень красиво, цвета переливаются и меняются. Вот эту смену цветов нужно не пропустить, посчитать, сколько раз это происходит — это и будет уровень дара. А узнать саму способность можно на дне колодца, прочитать слово или словосочетание, высеченное в камне. Потом я всего лишь вспоминаю себя и меня подбрасывает назад из колодца. И всё начинается сначала, с другим человеком.

- А как ты видишь, что дара нет? Нет слова, высеченного на камне? Как это было с Мариусом?

- Нет, не совсем так, в таком случае я падаю в колодец, а он бездонный и непроглядно темный. А ещё холодный. Если я загляну в твои глаза, то падая мне будет тепло и спокойно. Заглянув в глаза к молодым людям без дара, я словно в ледяную бездну погружаюсь. Первый раз я думал, что может та девушка безмерно талантлива, настолько, что я не могу

добраться до дна. И я пытался несколько раз, но каждый раз меня сковывал такой ужас и холод, что я не мог долго продолжать, я возвращался, ругал себя за это и пробовал ещё.

- Как давно это было?

- Это было лет двадцать назад, я был молод, примерно, как ты сейчас, всё принимал близко к сердцу. И любой мой промах казался мне катастрофой. Я был немногим старше той девушки и мне казалось, что я сломал ей жизнь. Сейчас сердце мое стало более жестким, но я как могу стараюсь помогать этим детям, для меня они все словно дети. Стараюсь встречаться иногда, оказать помощь, если могу.

- Как Мариусу?

- Мариус — это особая история. Если можно так сказать, он мой любимчик. Хороший, добрый малый. Вернее, он постепенно вновь становится таким. После Проявления он надолго замкнулся в себе, обиделся на весь мир, целыми днями не вылезал со своих грядок, слова вытянуть нельзя было.

Тут из окошка напротив постучали, оказалось это Саммер, проснувшись, махала руками и звала пить чай. После чаепития я вместе с Адрианом отправилась в их каюту, чтобы воспользоваться предложением Себастьяна и скрасить рутину путешествия интересной книгой. Выбрать, действительно, было из чего. Интересно, каких размеров чемодан у него с собой, если книг он взял по меньшей мере десяток. Тома были новенькие, с золотым или серебряным тиснением на корешке, с плотными листами, которые ещё не стали

хрупкими и мягкими от времени и множества прочтений, как книги в моей библиотеке. «Зато у моих книг есть история», — думала я. Приятно брать книгу и вдруг вспомнить, как долгими вечерами с ней сидел дедушка у камина, читал некоторые особо понравившиеся фрагменты вслух, и они с бабушкой обсуждали их, а я тогда не понимала, торопила их, старалась уговорить почитать лучше детскую книгу, а ещё лучше поиграть со мной. Сейчас я с огромным интересом обсудила бы с ними любую книгу из семейной библиотеки, лишь бы вновь услышать их голос. Но жизнь безжалостна, она редко дает вторые шансы. Как безжалостный учитель, который бьет розгами за ошибки, не объяснив предварительно правила, по которым выполняются задания.

В итоге я выбрала две книги, которые решила читать параллельно. Одна, красная с золотым оленем на обложке, была по истории нашей страны, в поистине потрясающем издании с картами, отрывками писем и документов, изображениями правителей, ученых, культурных просветителей прошлого. Другая книга, темно-синяя с серебряным заголовком, была про человека, который имел талант к инженерии и создал первую лодку, которая могла погружаться в воду полностью и плавать, лишь иногда всплывая на поверхность. Решила, что эта книга отлично подойдет атмосфере путешествия. С новыми книгами в руках я чувствовала себя абсолютно счастливой, забыв и про уже начавшую утомлять качку, бытовые неудобства, которые сначала казались интерес-

ной изюминкой, но, утратив свою новизну, только раздражали.

Почти на весь день я погрузилась в новый мир подводных приключений. Когда мое тело уставало от сидения и лежания, я отправлялась с Саммер на прогулку по палубе, которая, наверное, была бы рада делать это почаще, но она никогда не прерывала моего чтения и оказалась очень приятной и чуткой спутницей. Во время прогулок она меня веселила смешными историями из жизни. Казалось, что невысказанные за несколько часов безмолвия слова, словно вода сквозь прорвавшуюся плотину, неслись потоком, который нельзя было остановить. И мне даже нравилось это. Я от природы больше любила слушать, чем говорить, тем более Саммер, казалось, жила в каком-то другом мире, рассказывала про балы, приемы, беседы с политиками и иностранными послами, свидетелями которых она была. И не скажешь, что это всё могла пережить столь юная девушка, менее всего подходящая на роль государственной служащей. Наверное, тяжело сдерживать такой темперамент. Видимо, привычка всё время контролировать свои порывы, как раз и была тем, что позволяло мне спокойно провести день за чтением.

На обед я не пошла в ресторан, но Саммер заботливо принесла мне на подносе вкусный суп с красной рыбой с приятным сырным вкусом и хлебными сухариками. Все остальные также разбрелись по каютам и до самого вечера я больше никого не видела. Лишь перед ужином нас собрал всех

вместе в нашей каюте Себастьян, сказав, что у нас есть очень важная тема для разговора.

В этот раз рядом со мной оказалась Саммер, а Мариус и Адриан устроились напротив. Себастьян остался стоять, всем видом излучая холодную решимость и по его хмурому выражению лица было понятно, что разговор будет неприятным.

- Я не могу игнорировать одну странную вещь — сказал он — я удивляюсь, что никто не поднял эту тему. Раз так пусть это буду я. Никому из вас не кажется странным, что Мариус, человек без дара вдруг занимает такое высокое положение, имеет несколько магазинов, расширяет свое дело на другие острова. Я думаю, это довольно подозрительно. Что ты скажешь, Мариус? Как тебе это удалось?

Я тоже задумывалась об этом, и не раз, но спросить об этом было выше моих сил. Это как спросить у незрячего человека, как он смеет выходить на улицу и старается жить обычной жизнью. Я боялась даже взгляд поднять на того, к кому был обращен вопрос, всё внутри меня клокотало от гнева на бестактность Себа, и от сочувствия к Мариусу. Но когда он заговорил, я не могла отвести от него взгляд:

- Вот из-за таких, как ты, я и был на митинге — вскочил он с места и подошел вплотную к Себастьяну, щеки его пылали, глаза сверкали от гнева. — Куда тебе с твоей десяткой понять меня... Думаешь, я должен словно червь пресмыкаться перед остальными, раз я бездарен. Всю жизнь оплакивать

свое положение и быть обузой для семьи? Опустить руки и так ничего и не добиться?

- А добился ли ты этого сам? — закричал в ответ Себ, сузив глаза и пристально глядя на оппонента — Твоя ли заслуга все, что у тебя есть сейчас? Или кто-то сверху дергает за ниточки, словно ты марионетка в чужих руках, а заодно и платит за это.

Я почувствовала, как меня захлестывает волнами тепла и света, несмотря на спор, который разгорался всё сильнее, я почувствовала, что будто наблюдаю со стороны и поняла, что Саммер пустила в ход свое оружие, но до Мариуса эти флюиды, видимо, ещё не дошли. Он продолжал так же неистово защищаться:

- Кто сверху? Я понял тебя, ещё в первый вечер понял. Думаешь, я за свержение власти, раз уж я «другой», во враги народа записать хочешь. Да хоть ищеек Управления натрави, я чист. Проверь все бумаги и поймешь, что мне никто не помогает и дела я веду сам. Как бы тебе не было противно, но я сам добился всего! Назло тебе и таким, как ты. Может, и получилось всё как раз потому, что хотел доказать всем, что чего-то стою. Тебе не понять!

- Почему не понять? — сказал Себ беззлобно, словно и не слышал всей речи, а только последнюю фразу, он тоже уже попал под чары Саммер.

- Потому что ты не испытывал того, что испытал я. — всё ещё кипятился Мариус, — отчаяние, неверие в свои силы,

обиду на эту жизнь, зависть к «обычным, нормальным» людям. Я так долго провел в этих чувствах, что мог застрять там навсегда. Но мне помогла моя семья, мне помог Адриан понять, что жизнь моя не кончена, что я могу попробовать пойти против системы. Я могу быть исключением из правил жизни, ведь не бывает правил без исключений. А потом я подумал, что могу помочь другим стать такими же исключениями.

Его глаза лихорадочно блеснули, взгляд перебежал с одного на другого в поисках поддержки. Но из-за воздействия успокоительных чар Саммер мы смотрели на него словно куклы, лишённые эмоций, и он, хлопнув дверью, вышел из каюты.

- Убери это. Кто тебя просил? — всё так же спокойно сказал Адриан, глядя на мою соседку. Занавес из вяжущего сознания покоя упал. Все были смущены и расстроены этим разговором. Адриан напустился сначала на Себа, что не задал эти вопросы сначала ему. Он бы мог подтвердить, что Мариус сказал абсолютную правду. Вместо того, чтобы устраивать представление, словно в драматическом театре. А потом на Саммер, что без разрешения управляет настроением других тогда, когда это неуместно. Потом также расстроенный выскочил из каюты. Себастьян выглядел виноватым и грустным, и тоже поспешил покинуть нас.

Саммер сначала, словно остекленев, смотрела в стену, не слушая мои утешения, а потом разрыдалась, легла на кро-

вать и, отвернувшись, плакала, роняя слезы на подушку. ещё долго плечи ее вздрагивали, а дыхание было судорожным. У меня на душе было очень тяжело, словно придавило чем-то тяжелым так, что и вздохнуть трудно. Впечатления вчерашнего вечера о сплоченной команде и веселом приключении развеялись, хотелось пойти и утешить каждого, найти слова. Это просто смешно, словесница, которая не может подобрать слов для утешения! Мысли одна горше другой, уносили меня из реальности, напоминая о прошлых разочарованиях и потерях. Чтобы не утонуть в них, я схватила пальто и вышла подышать свежим воздухом, надеясь, что соленый ветер избавит меня от тяжелых, пригибающих к земле событий последнего часа.

Вернувшись после прогулки, я заметила, что дыхание Саммер выровнялось, она уснула. Стараясь ступать тихо, я сняла пальто, повесила в шкаф и взялась за книгу по истории. Читать про объединение островов было интересно, тем более эту тему я помнила не очень хорошо. Когда мы проходили ее в школе, то события мне казались невероятными, древними, учитель вел лекции монотонно и навевал сон. Сейчас же мне было интересно изучать карты, рассматривать портреты людей той эпохи. Я старалась представить, как тогда жили люди, как одевались, во что верили. Жаль, в те времена словесников ещё не было, и вся история состояла из сухих фактов. Элдрик Объединитель со Скалистого смог захватить Олений и Кедровый острова около пятисот лет на-

зад, заложил основы нашей государственности. Он был человеком военным и держал власть на островах железной хваткой. Любое волнение народа он пресекал в зародыше, армия была сильна как никогда. Крестьяне и ремесленники жили тяжело, все ресурсы уходили на кормление солдат. На портрете, нарисованном неизвестным художником, Элдрик седит, брови почти соединены в одну линию, губы сжаты, он в полном обмундировании, но без шлема, волосы собраны в хвост воина, железные доспехи сияют на солнце, в руках щит с изображенным на нем вепрем, вепрь долгое время был символом дома Блэйдов. Позже его внук Рэйвин Хитрый добавит к завоеванным территориям остров Пряный, причем сделает это, не пролив и капли крови своих солдат. Когда там случился кризис власти, и брат шел на брата, люди устали от кровавой междоусобицы, явился он, спаситель, обещавший навести порядок, накормить народ, защитить. Привез богатые дары, женился на дочери влиятельного вельможи, прекратил кровопролитие, наладил торговлю с соседями. Остальные острова присоединил уже спустя сотню лет Варек Кровавый, из его прозвища понятно, что сделал он это грубой силой, потеряв огромное количество наших солдат и жестоко истребивший почти всё мужское население островов, которые он поработил. Я с интересом пропала в дебрях истории, политических хитросплетениях и интригах, описаниях культуры, первых научных достижениях и великих путешественниках тех времен. Когда позвали на ужин, я не ста-

ла будить Саммер, Мариус тоже не пришел. За столиком мы сидели вдвоем, ели вкуснейший рис с морепродуктами, но из-за тягостной атмосферы ели молча, я не чувствовала вкуса еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.